

Периодическое издание «Обществознание большинства» Выпуск 7
**Интернациональный университет трудящихся
и эксплуатируемых (Рабочий университет)**

Обществознание большинства

7.

Москва. Декабрь 2010

Периодическое издание

Обществознание большинства. Выпуск 7. - М.: Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет). Декабрь 2010.

Общее руководство изданием - Б.В.Ракитский

***Коллегия главных редакторов
отдельных выпусков:***

М.Д.Мандель

Г.Я.Ракитская

Б.В.Ракитский

**Главный редактор выпуска №7
Ракитский Б.В.**

© Авторы статей

© Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет), 2010

Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет)
Россия 119361 Москва Озёрная улица 25 - 287
E-mail university-w@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

**Б.В.Ракитский О СПОСОБАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ
ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ (историко-материалистический очерк) Часть первая 4 – 65**

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ТЕКСТАМИ

Ракитский Б.В. ЭТОЙ КНИГЕ Я ВЕРЮ

(Давид Мандель. Российские революции начала XX века (1900 – 1921 гг.). Учебник (по программам высшего классового образования) {Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет); Школа трудовой демократии} — Москва. Школа трудовой демократии. 2010. 196 с.) 65 -75

ПРАВИЛА

**Представления материалов и их публикации
В периодическом издании
«ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА» 75-76**

**Ракитский
Борис Васильевич**
Заведующий кафедрой обществознания
ИУТЭ(РУ)

О СПОСОБАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ

(историко-материалистический очерк)

СОДЕРЖАНИЕ

1. Вводная констатация	6
2. Закономерность как реалія движения, бытия ...	7
3. Причины и доминанты общественного дви- жения (истории). Тип детерминизма	9
4. Экономический детерминизм в экономических исследованиях К.Маркса и его частичное дезаууирование Ф.Энгельсом	16
5. Фетишизация производительных сил (особенно материальных производительных сил) и материального производства	27
6. Не пахнет ли такой исторический материализм идеализмом и субъективизмом? Объективное и материальное в реальности и в обществоведении	35
7. Самоорганизация общества, обеспечиваю- щая ему способность к самодвижению. Об- щественное, субъектное, субъективное как ипостаси движения общественной материи. Соотношение общественных сил, общественный строй	46
8. Социальные силы как движущие силы общества	53
9. Общественная практика в её полном объёме. Ненужность для исторического материализма деления общественных	

отношений на базисные и надстроечные 56

10. Резюме предшествующих рассуждений.

Вовлечение в предметное изучение сущности, содержания и способов общественного самодвижения 60

Текст раздела 10 будет повторён в следующем номере

11. Способы (универсальные формы) общественного движения. Взаимодействия социальных сил (в следующем номере)

.....

12. Цели общественного движения и формирование направленности развития общества (в следующем номере)

13. Перспективы общественного развития, вариантность будущего, настоящего и прошлого (в следующем номере)

14. Выбор (формирование) ресурсной базы общественного развития и её перемена (в следующем номере)

15. Способы самоорганизации общества, включая способы перемены общественного устройства (в следующем номере)

16. Закономерности бытия и развития мирового общества (сообщества) (в следующем номере)

Послесловие. Новая проблема: как всё это целесообразно называть? (в следующем номере)

Цель очерка – рассмотреть традиционную (и привычную) проблематику исторического материализма под углом зрения отграничения (и очищения) её от наслоений экономического детерминизма (экономического материализма). Наличие таких наслоений (перекосов) признавал в своё время престарелый Фридрих Энгельс. То-

талитарная идеология сталинизма, сохранявшая марксистско-ленинскую фразеологию, усугубила эти наслоения и перекосы, выхолостила живое плодотворное содержание многих ключевых категорий исторического материализма.

Идеология и методология исторического материализма – покуда вершинное достижение философской мысли. Было бы непростительной беспечностью утратить это достижение. Не приложив усилий для сохранения и защиты исторического материализма, было бы невозможно оправдаться перед научной совестью.

1. Вводная констатация

В обширной проблематике перспектив и способов общественного развития (и – шире – бытия общества) исходным водораздельным культурно-мыслительным вопросом является, несомненно, вопрос о наличии или отсутствии закономерностей такого развития (бытия). Речь, разумеется, не об эмпирически подмеченных последовательностях событий и не об установлении причинно-следственной связанности неких повторяющихся конкретных явлений, событий, процессов, их фаз и т.п. Речь о глубинных, существенных факторах, их связях и взаимовлияниях, о судьбоносном и смыслоносном по историческим меркам, то есть именно по меркам бытия и развития общества как общества.

Отрицание закономерностей общественного бытия и развития в большинстве таких случаев имеет место, строго говоря, не как убеждённое отрицание, не как следствие некоему идейному принципу, а просто как разновидность поверхностных суждений об обществе. Большинство рассуждающих об общественных явлениях не ставят предмет своих рассуждений в целостный общественный контекст. Одни не умеют, другие ленятся, третьи – не желают из опасений «зайти слишком далеко». Во всех этих случаях рассуждения «болтаются» на поверхности. Но ведь и задачи у них соответствующие: привлечь внимание, вызвать интерес, «осветить», «обрисовать», «коснуться», а вовсе не объяснить, не пред-

видеть, не обосновать цели или выработать надёжные способы преобразований.

Если проштудировать всю толщу рассуждений об обществе, то, возможно, и отыщется мыслитель, сознательно, на уровне философского принципа отрицавший закономерности развития и бытия общества. У такого мыслителя общество должно было бы быть чем-то сугубо символическим, условным и размытым, набором случайностей, ничем не скреплённых между собой и даже лишённых критерия принадлежности к обществу.

Даже историки, уютно устроившиеся в обществознании как беспристрастные или пристрастные коллекционеры или «кладовщики» фактов, ворча и огрызаясь, вынуждены допускать подход об исторических закономерностях, типизациях и периодизациях. Последний рубеж, который историки защищают с фанатичностью зомби, — вопрос о вариантности прошлого (карикатурно знаменитое «история не любит сослагательного наклонения». Да и то, отметьте, «не любит», а не «не признаёт»).

Высказанные соображения, как я полагаю, позволят мне констатировать, что любые не досужие, а ответственные рассуждения об обществе, о перспективах и способах его развития не отрицают (или допускают) наличие закономерностей существования и изменения общества во времени и в пространстве.

Имеет смысл тут же уточнить понятие закономерности.

2. Закономерность как реальия движения, бытия

Общественная закономерность — это возможность (способность) и действительное развёртывание (реализация) внутреннего устройства общества в рамках связанности его с миром, в котором общество существует.

Исторический материализм и исторический идеализм в равной мере могут принять предложенное определение (понимание) общественной закономерности. Но каждая из этих идеологий вложит (и вкладывает) свою трактовку в ключевые понятия, используемые в приве-

дённом определении. В итоге историко-материалистическая и историко-идеалистическая трактовки общественных закономерностей оказываются противоположными друг другу.

Ключевыми принципиально по-разному трактуемыми понятиями являются внутреннее устройство общества и мир, в котором общество существует.

Для историко-идеалистических представлений и мир, и общество, которое существует в мире, сотворены творцом, устроены творцом, предназначены для перспектив, predetermined творцом, движутся путями и способами, обозначенными творцом. Более того, все общественные действия происходят под присмотром или под руководством творца.

Деистическая разновидность исторического идеализма допускает автономность развития общества. Однако сотворённое и устроенное творцом общество развивается, по представлениям деистов, всё-таки на базе заложенных творцом закономерностей.

Историко-материалистический взгляд в корне расходится с историко-идеалистическим прежде всего по вопросу о природе и источниках закономерностей. Исторический материализм отрицает устроенность общества какой-либо внешней для общества сознательно действующей силой, а тем самым отрицает какие-либо закономерности общественного бытия и развития, вменённые обществу извне. Согласно историко-материалистическим представлениям, общество выделилось в составе природы, сохраняет единство с природой и движется в соответствии с закономерностями, внутренне обрётёнными в ходе социогенеза, в ходе самоорганизации. Способность общества к самодвижению и суверенность в этом самодвижении, но в увязанности с миром, частью которого общество является, — такова суть историко-материалистического миропонимания¹.

¹ *Разграничение исторического идеализма вообще и религиозного понимания общественных реалий в частности, с одной стороны, и исторического материализма — с другой, проходит не по линии «сотворён человек или эволюционно развил-*

Общественная закономерность – глубинное, сущностное устройство движения, бытия общества. Познать законы этого движения (бытия) – значит познать устройство общества в нескольких решающих отношениях. Среди них:

– направленность (вектор) движения, начиная от формирования целей и кончая формированием реальных тенденций;

– движущие силы общественного развития (или деградации, стагнации);

– способы исторического выбора (формирования) будущего качественного состояния (типа) общества;

– структура (содержательное устройство) объективной необходимости общественного движения и в связи с этим преемственность (непрерывность связи) вариантности будущего, настоящего и прошлых исторических состояний;

– диалектика причин (факторов) и доминант общественного развития.

Обратимся к этим ипостасям общественных закономерностей с позиций исторического материализма.

3. Причины и доминанты общественного движения (истории). Тип детерминизма

Для материалистического понимания истории (общественного бытия) аксиомой является суверенность общества, то есть исключается его предназначенность для достижения целей каких-либо внеобщественных субъектов. Поэтому суждения о божественных, внечело-

ся», а по линии «суверенно общество в своём саморазвитии или оно управляется некими высшими надобщественными сознательными силами». Представим себе, что подтвердились деистические представления о том, что человек создан творцом, а затем предоставлен себе самому. Эта новость ничуть не опровергла бы исторический материализм. Чтобы опровергнуть исторический материализм, надо доказать, что закономерности общественного бытия и развития, начиная от целей и кончая выбором средств их достижения, установлены надобщественными сознательными силами.

веческих и т.п. причинах (факторах) общественной истории в целом и её отдельных процессов и событий – исключаются. Полный круг причин (факторов) общественной истории содержится в самом обществе, в самой его истории, является внутренне присущим (имманентным) обществу и его истории.

Может быть поставлен в аспекте обнаружения внешних причин вопрос об обусловленности движения общества (истории) его связанностью с природными условиями существования и развития. На абсолютизации этой связанности основаны географический и экологический детерминизмы. В самом деле, не может ли природная среда (или какие-то её свойства) выступать причиной общественно-исторического развития, бытия?

Быть причиной – значит определять (фундировать) направленность развития, облик будущего состояния, способы движения. Природа (окружающий мир) – это та единственная реальность, с которой связано общество. Общество возникло как особенная часть (разновидность) материального мира и остаётся частью материального мира. Общественная форма движения – одна из форм движения материи. Но из этого вовсе не следует, что иные формы существования материального мира (механическая, физическая, химическая, биологическая формы движения) являются **причинами** возникновения и воспроизведения общественной формы движения материи.

Качественный сдвиг (прорыв, скачок), увенчавший развитие отражательных свойств материи, – возникновение способности представить существующий мир в преобразованном виде, способность к порождению идеала, идеального видения мира. Мир, оставаясь реально однозначным, стал в то же время абстрактно вариантным для человека. То есть мир стал принимать для человека вариантный вид: он мог быть оставлен в существующем виде, его можно было представить разрушенным или улучшенным в каких-то его свойствах и проявлениях. Не исключено и даже весьма вероятно, что способность идеального видения мира вырабатывалась в

преобладающей мере как накапливание опыта активной самозащиты человека от опасностей, исходящих от окружающего мира. Уходить (прятаться) от опасности, устранить опасность, разрушить опасность – это ведь тоже реальное улучшение окружающего мира для человека.

Способность представлять существующий окружающий мир в преобразованном виде, то есть в виде идеальном, отличном от реально существующего – фундаментальная предпосылка (и одновременно фундаментальный результат) преобразовательной деятельности, практики.

Практика – способ бытия человека (человечества) в мире; активное (чувственно-предметное) взаимоотношение общественно развитого человека с миром, с природой; целенаправленная преобразующая деятельность человека (человечества). Различают материальную сторону практики (материальное производство); познавательную сторону практики (её высшая форма – наука) и др. Основные содержательные (структурные) моменты практики – цели, сама целесообразная деятельность, предмет, средства, результат, теория (ориентирующее познание).

Вернёмся к вопросу, поставленному нами на обсуждение: можно ли связанность общественного бытия с окружающей природой рассматривать как внешнюю (обязывающую) причину этого бытия? Связанность эта материализуется в практике, в преобразовательной (активно-приспособительной) деятельности общества. Быть может, природа (окружающий мир) является причиной практики, а через неё и причиной общественного движения? Очевидно, что природа не инициирует практическую деятельность общества. Хотя бы уже потому, что у природы как у целостной системы нет целей. Можно выделить, обозначить множество значений, которые имеет природа для возникновения и существования общества, но ни одно из этих значений не может стать для общества причиной.

Это крайне важно зафиксировать. Потому что впереди речь пойдёт о производительных силах, в состав которых входит преобразованная природа (вторая, или вторичная природа). Имеются доктрины, которые придают развитию производительных сил столь большое значение, что оно трактуется фактически как причина (и даже первопричина) общественного развития. Но об этом ниже придётся поговорить специально. Сейчас же достаточно настойчиво зафиксировать, что природа не может быть причиной общественной практики, возникновения и воспроизведения общественной формы жизни.

Итак, не природа является причиной общественной преобразовательной деятельности (практики), возникновения и воспроизведения общественных форм жизни, а, напротив, возникновение и воспроизведение общественных форм жизни является причиной систематической преобразовательной деятельности по отношению к природе (то есть причиной практики). Важно отметить, что практическое преобразование окружающего природного мира не исчерпывает всю полноту созидательной деятельности общества. Общественная форма движения материи порождает такие реалии, которых нет в окружающей природе. Общество дополняет реальный мир не существовавшими до общества процессами и явлениями. Это все реалии сознания, познания, душевного и духовного опыта. Притом не только в текущем (ситуативном) виде, но и в накапливаемом и передаваемом виде (наука, духовная культура и т.п.). Вот почему считаю существенно важным различать общественную практику в её полном объёме (всю созидательную деятельность общества) и ту часть всей созидательной деятельности, которая охватывает преобразование окружающего мира (природы)². По мере развития общества

² *Марксизм не отрицает понятия «духовное производство». Но при тех экономико-детерминистских перекосах, о которых ещё пойдёт содержательный разговор, духовное производство заняло в общей системе сложившихся историко-материалистических взглядов место, как говорится, сбоку припёку. Оно фигурирует как признаваемая общественная ре-*

непосредственное преобразование окружающего мира (природы) занимает относительно всё меньшее место в совокупной деятельности общества. Эта тенденция уже замечена, но освещается всё ещё крайне поверхностно и слабо изучается (по причине, в первую очередь, нецелостности, фрагментарности современного научного знания).

Круг обозначенных аспектов подводит нас к постановке очень важного и очень тонкого (в методологическом отношении) вопроса: каково то общественное пространство, в котором причины общественного движения зарождаются, обретают свою силу действия, устойчиво воспроизводятся, видоизменяются, актуализируются и утрачивают свою актуальность? Мой ответ таков: причинное пространство – общественная созидательная деятельность в её полном объёме. Есть и иной (чуждый мне) ответ: причинное пространство общественного движения – та часть общественной деятельности, которая охватывает непосредственное преобразование окружающего мира (природы), то есть материальное воспроизводство.

Два разных ответа на вопрос о причинном пространстве общественной жизни – это два склона водораздела мысли. Здесь, по моему убеждению, водораздел между животворностью исторического материализма и тлетворностью экономического детерминизма. Это может показаться излишне резким разграничением. Однако опыт формирования и развития марксизма убеждает, что дело обстоит именно так.

К.Маркс и Ф.Энгельс обогатили обществознание принципиально новой методологией, плодотворные свойства которой коренились в последовательном целостном подходе к обществу (целостно обществоведческий подход). Однако не всегда удавалось выдерживать этот подход. В частности, при развитии своего экономи-

алия, но неподобающе мало востребовано для объяснения общественного бытия и развития. К теме духовного производства мы вернёмся при рассмотрении общественной практики в её полном объёме.

ческого учения К.Маркс не сумел применить целостно обществоведческий подход и оказался на методологических позициях экономического материализма (экономического детерминизма). Яркий очерк экономического детерминизма дан К.Марксом в знаменитом «Предисловии» к книге «К критике политической экономии». Последовательно развитая система экономических взглядов, основанная не на целостно обществоведческом подходе, а на экономико-детерминистском подходе, дана К.Марксом в его «Капитале».

Экономический детерминизм относится, несомненно, к метафизическому типу мышления и принципиально не отличается от иных разновидностей одностороннего (однофакторного) детерминизма. Методологическое кредо таких детерминизмов состоит в закреплении роли причины общественного развития за каким-либо фрагментом общественного целого (например, за экономикой, за географическими особенностями страны, за демографическими характеристиками, за техникой или технологией и т.п.). Не обязательно при этом игнорирование иных факторов, им может отводиться роль сопутствующих причин при доминирующей причине. В случае выделения доминант в ряду причин методологический порок однофакторного детерминизма модифицируется в закреплении роли доминанты (доминирующей причины) общественного развития за каким-либо фрагментом общественного целого. Главное в том, что общество как целостное причинное пространство подменяется каким-либо сегментом общества как средоточием причин и доминант.

Если общественная практика в её полном объёме не востребована как пространство причин и доминант общественного бытия, то налицо опасность однофакторного детерминизма. Если же исследователь сознательно рассматривает часть общественного бытия как исчерпывающее (исключительное) пространство причин и доминант общественной истории, то односторонний детерминизм как методология его исследования неиз-

бежен. У К.Маркса, к сожалению, находим множество проявлений экономического детерминизма:

1) трактовка экономики как реального базиса, по отношению к которому всё остальное в обществе есть надстройка, нечто вторичное, производное;

2) принцип примата производства;

3) ограничение производительного труда лишь теми видами, которые относятся к отраслям материального производства;

4) развитие производительных сил как всегдашняя причина изменения производственных отношений;

и ряд других.

Я утверждаю, что историко-материалистическое обществознание должно оперировать понятием (категорией) общественной практики в её полном объёме и принципиально не допускать сведения общественной практики к преобразованию природы обществом (к производственной, или воспроизводственной практике). Иначе будет вновь и вновь повторяться методологический сбой, случившийся у К.Маркса в «Капитале» и, по сути дела, обесценивший «Капитал» как фундаментальное исследование, претендующее на создание системы научных взглядов как об экономике, так и об обществе.

Марксов методологический сбой состоит в применении экономического детерминизма вместо исторического материализма. Детерминизм, свойственный (адекватный) историческому материализму, принципиально исключает закрепление навсегда (во всех отношениях) роли причины (или доминантной причины) за какой-либо общественной реалией. Историко-материалистический подход к детерминизму трактует взаимодействия в обществе как причинно-следственные связи. Но он никогда не упускает из виду, что роли причин и следствий не распределены раз навсегда, не абсолютны, а относительны и в разных отношениях меняются местами, реально способны меняться местами. Такое понимание детерминизма отнюдь не делает суждения об обществе зыбкими и расплывчатыми. Оно требует лишь качественно более высокой методологии, исключающей сте-

реотипные суждения, огульные обобщения, фрагментарное (кусочное) видение там, где требуется целостное, но при этом и конкретно-историческое, ставящее предмет изучения в актуальный целостный контекст.

Вопрос о типе детерминизма в экономическом учении К.Маркса, с одной стороны, и в историческом материализме, с другой стороны, настолько методологически существен, что считаем полезным привести ряд выдержек из работ К.Маркса и Ф.Энгельса.

4. Экономический детерминизм в экономических исследованиях К.Маркса и его частичное дезавуирование Ф.Энгельсом

К. Маркс в решающей степени облегчил нам понимание того, какой была методология его исследования системы буржуазной экономики. В январе 1859 года он написал «Предисловие» к своей книге «К критике политической экономии»³. В этом «Предисловии» есть один большой абзац, который приводим здесь полностью, чтобы он был у читателя под рукой, когда мы станем анализировать методологические принципы Марксовых экономических исследований.

«Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в 1844 г. в издававшемся в Париже «Немецко-французском ежегоднике». Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века называет «граждан-

³ Книга издана в 1859 г. в Берлине. На русском языке напечатана в томе 13 2-го издания Сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса (Москва. Госполитиздат. 1959). По этому изданию мы и цитируем.

ским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г-на Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришёл и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нель-

зя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по её сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия её решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»⁴.

Если бы не эти 1,5 — 2 страницы в «Предисловии», то гораздо сложнее было бы доказать, что автор «Капитала» руководствовался экономическим детерминизмом. Конечно, сам «Капитал» даёт для доказательства этого вывода достаточно оснований. Но ведь перу К.Маркса

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 13. Стр. 6-8. — М.: Госполитиздат. 1959.

принадлежит не один только «Капитал». Имеются произведения, в которых нет и следов экономического материализма. Именно эти произведения, взятые с «Капиталом» как единое целое, и затрудняют отчётливое видение метода исследования в «Капитале». Всё кажется, что один и тот же уважаемый тобою мыслитель не может пользоваться взаимоисключающими методологиями⁵.

В самые последние годы появились новые косвенные свидетельства необходимости внимательнее приглядеться к методу «Капитала» как исследования. Эти новые свидетельства — неоднократные признания российских адептов либерального фундаментализма, что

⁵ Должен определённо заявить, что не раз и не два в своих публикациях я оценивал «Капитал» К.Маркса как образец применения целостно обществоведческого подхода. Например, в коллективной монографии «Очерки политической экономии социализма» (М.: «Наука». 1988) на стр. 13 я писал: «Уместно напомнить, что «Капитал» — это исследование целостно обществоведческого характера, в котором автор, исследуя экономический базис капитализма, оперировал знаниями об обществе и о формации в целом».

При более внимательном изучении «Капитала» я обнаружил, что в «Капитале» этот самый экономический базис рассматривается без существенной увязки с характеристиками общества и формации в целом. Яркий пример тому — логический сбой при переходе от первого раздела ко второму. Превращение денег в капитал К.Маркс пробует объяснить развитием его (капитала) денежной природы. Узурпация власти в хозяйстве, социально-политические процессы не понадобились К. Марксу для объяснения процесса превращения денег в капитал. Глава о первоначальном накоплении вынесена далеко вперёд, но и в ней не внесены коррективы в объяснение процесса превращения денег в капитал.

Будучи последователем К.Маркса и Ф. Энгельса в выработанном ими целостно обществоведческом подходе, я долго не различал, что в «Капитале» применён не этот подход, а экономический детерминизм (экономический материализм). Лишь предметно изучая теоретические проблемы эксплуатации и иные социально-политические отношения, я обнаружил, что метод «Капитала» и целостно обществоведческий метод — принципиально разные методы.

они чуть ли не марксисты, а то и прямо марксисты. Уж кому-кому, а этому-то течению мысли целостно обществоведческий подход явно чужд. И тем не менее они отдают должное экономическим исследованиям К.Маркса! Объясняется это просто: их методология — экономический детерминизм (как и у К. Маркса в «Капитале»).

Проанализируем очерк методологии, компактно данный К.Марксом в «Предисловии». Ещё раз подчеркнём, что это, по словам самого К.Маркса, методология исследования им «системы буржуазной экономики», «руководящая нить в моих дальнейших исследованиях» (стр. 6).

Обобщающее (и исходное в изложении метода) положение таково: устройство общества, «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономике» (стр. 6).

Что понимать под политической экономией? Учение об экономике, то есть об экономических процессах и тех отношениях, которые складываются между людьми по поводу (в ходе) этих процессов. Экономические процессы — это процессы образования и движения богатства народов. Предметная область тогдашней (классической) политэкономии именно так очерчена А.Смитом, оказавшим на экономическую и общественную мысль сильнейшее влияние⁶. К. Маркс в своих экономических исследованиях явно находится под этим влиянием. Правда, как и другие последователи А.Смита, как всё послесмитово поколение экономистов, К.Маркс намного сильнее, чем сам А. Смит, отделяет экономические процессы от целообщественных.

Вот пример. А.Смит, считавший «невидимую руку рынка» универсальным регулятором экономической жизни, при рассмотрении процессов формирования за-

⁶ *Далеко не все знают и помнят, что влияние А.Смита распространялось и на естественно-научную мысль. Так, Ч. Дарвин именно под влиянием книги А.Смита придал борьбе всех против всех (борьбе за существование) преувеличенное значение в объяснении происхождения видов.*

работной платы самое пристальное внимание уделил соотношению классовых сил. К. Марксу в 1 томе «Капитала» соотношение классовых сил для объяснения природы и уровней заработной платы не потребовалось. Более того, К.Маркс уличил буржуазную политическую экономию в неспособности объяснить категорию «цена труда» сугубо в рамках экономических рассуждений, сугубо экономическими аргументами. Но если А.Смит выходит из положения, привлекая для объяснения экономических явлений классовую борьбу, то К. Маркс нагло перекрывает такой ход мысли и находит способ объяснить всё сугубо в рамках экономической теории. Он низводит цену труда до цены рабочей силы, а наёмного рабочего — до товара рабочая сила. После этого «прогресса» ничто неэкономическое уже не требовалось Марксовой политической экономии: она отделилась (оторвалась) от целообщественных процессов. Центральное социально-структурное отношение капиталистического общества — капиталистическая эксплуатация — также стало отношением сугубо экономическим, а именно отношением извлечения капиталистом прибавочной стоимости из особых свойств товара рабочая сила. К.Маркс был уверен, что доказал существование капиталистической эксплуатации, не выходя за пределы анализа товара⁷.

Таковыми вот результатами закончилось стремление К.Маркса искать анатомию гражданского общества в политической экономии. В методологическом отношении суть дела вот в чём: К.Маркс задался целью найти анатомию целого в анатомии его части, то есть понять устройство общества в целом, раскусив устройство важной, но всё же одной из частей общества. Преследуя эту цель, К. Маркс не отдал должного связям этой части (экономики) с обществом в целом, общественному контексту. В итоге экономические категории приобрели смысл, существенно искажавший природу реальных экономических процессов в реальном обществе. К примеру,

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 23. Стр. 180. — М.: Госполитиздат. 1960.

отношения найма в реальном капиталистическом обществе суть отношения реальной социализации человека в условиях капиталистической эксплуатации. У К. Маркса же в «Капитале» отношения найма — процесс купли-продажи товара рабочая сила на рынке труда. Всё человеческое, всё социальное оказывается при этом невостребованным. Ну, как либералам-фундаменталистам не брататься после этого с автором «Капитала», если и у них «человек экономический» — главный герой всех их произведений и реформ?!

В «Капитале» К. Марксу не понадобились для объяснения движения общества ни социальные группы (классы), ни их идеологии, ни классовая борьба. Вообще не потребовались социальные субъекты, оказалось достаточно «экономических агентов», сторон сугубо экономических отношений. Это потому, что «Капитал» — книга не об обществе, а об экономике. Для К.Маркса это было по своему сущностному устройству одно и то же — общество и его (общества) экономика (иначе бы он не искал анатомию гражданского общества в политической экономии). Но для нас это далеко не одно и то же. На историческом опыте мы уже поняли, что значит руководствоваться экономико-материалистическими взглядами на общество⁸. Нам теперь очень важно понять, как случилось, что К.Маркс абстрагировался в «Капитале» от классовой борьбы, от социальной структуры, от субъектов социальной политики, вообще от социальной природы экономических процессов.

⁸ *Мы внуки и правнуки тех, кто в начале XX века свершил в России три революции и выиграл Гражданскую войну. Это было доблестное и солидарное поколение трудящихся. Но когда оно приступило к послереволюционному созиданию, оно терпело поражение за поражением и в итоге допустило и массовый террор, и рабский труд, и тоталитаризм (фашизм). Оно руководствовалось, среди прочего, экономической теорией К.Маркса. Оно ударилось в борьбу с рынком и товарным производством (руководствуясь антитоварными воззрениями «Капитала») вместо того, чтобы последовательно бороться с эксплуатацией и не допускать новых форм эксплуатации.*

Ответы на эти вопросы находим у самого К.Маркса в том же его «Предисловии».

Экономические отношения (реальный базис, экономическая структура общества) объективны для К. Маркса, он сам указал, в каком смысле: они определённые, необходимые, не зависящие от воли людей. Определённые формы общественного сознания соответствуют экономическому базису. «Социальные, политические и духовные процессы жизни вообще» обусловлены способом производства материальной жизни общества. Такова часть ответов К.Маркса.

Получается, что за пределы материального (в философском смысле слова) К.Маркс выводит всё общественное (социальное, политическое, духовное), оставляя в пространстве материального лишь производительные силы и экономические отношения. Такой подход не очень-то совместим с представлениями об обществе как об особой (общественной) форме движения материи. Ведь ампутируется всё сугубо общественное, осознанность, волевой характер деятельности людей. Общественная форма движения материи признаётся материальной лишь в объёме способа производства материальной жизни, то есть в объёме материальных производительных сил и экономического базиса.

Отметим попутно, что с таким подходом едва ли увязываются чеканные истины самого К. Маркса: «...материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»⁹ и вот ещё: «Подобно тому, как философия находит в пролетариате своё *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии своё *духовное* оружие...»¹⁰ Но это писано за 15 лет до «Предисловия», за 23 года до выхода в свет 1 тома «Капитала», в январе 1844 г. К.Маркс ещё не был тогда политэкономом, не был загипнотизирован экономическим детерминизмом.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 1. Стр. 422. — М.: Госполитиздат. 1955.

¹⁰ Там же. Стр. 428.

От воли людей экономические отношения, по К.Марксу, не зависят. Перевороты в способах производства (эпохи социальных революций) происходят по потребностям производительных сил в их развитии. В условиях конфликта производительных сил с экономическим базисом конфликтный вид приобретают все надстроечные (идеологические) формы жизни. «...Люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» (стр.7). Ах, вот как!? Борются за разрешение конфликта материальных производительных сил и материальной же экономической структуры общества? Так ведь оговорено же выше, что эти материальные реалии не зависят от воли людей! В чём же тогда смысл борьбы?

В «Предисловии» нигде не употреблены слова, означающие, что К.Маркс отрывает движение производительных сил и базиса от движения общества в целом или отождествляет оба движения. Общество остаётся структурным, но в нём возникает конституирующая его структура — производительные силы и базис. От движения этой конституирующей структуры зависит, как вторичное от первичного, всё движение общества. Таков взгляд К.Маркса на общество и его движение. Этот взгляд мы квалифицируем как экономико-детерминистский. От него-то мы и стремимся избавиться историко-материалистический, целостно обществоведческий подход.

Для меня и для всей научной школы, к которой принадлежу, Карл Маркс — один из непосредственных наших предшественников, Учитель, создатель (вместе с Фридрихом Энгельсом) непревзойдённой методологии обществознания — целостного обществоведческого подхода. Критика каких-либо текстов, написанных К. Марксом, требует осмотрительности. Решиться на такую критику можно, лишь подумав, подумав и ещё раз подумав. В связи с этим для меня крайне существенно, что экономико-детерминистские сюжеты К.Маркса в конце 19 века признавал несовершенными Ф. Энгельс и даже частично дезавуировал их. Этот вклад Ф.Энгельса в историю материалистического обществознания мы обязаны

и ценить, и возможно глубже осмысливать. Приведу ряд высказываний Ф. Энгельса по интересующей нас проблеме.

В письме Йозефу Блоху 21-22 сентября 1890 г. Ф.Энгельс так резюмирует затронутую проблематику:

«Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодёжь иногда придаёт больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчёркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки»¹¹

Получается так: Ф.Энгельс допускает, что в теории мог быть перекосяк — придание экономическому фактору большего значения, чем следует, и занижение должного значения остальных факторов. В практике подобной ошибки быть не могло.

В том же письме Ф.Энгельс значительно смягчает степень жёсткости влияния развития производства на исторический процесс. Смягчает в двух отношениях: 1) в историческом процессе производство и воспроизводство действительной жизни является «определяющим моментом в конечном счёте»; 2) экономический момент не является «единственно определяющим моментом»¹².

Несмотря на все смягчения основная позиция остаётся всё же примерно в том же виде, что и до смягчений:

«Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму её различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и её результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т.п., правовые формы и даже отра-

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 37. Стр. 396. — М.: Госполитиздат. 1965.

¹² Там же. Стр. 394.

жение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счёте прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что её не существует)»¹³.

Что же имеем в результате? Экономическое движение есть необходимое, всё остальное в обществе — бесконечное множество случайностей. От случайного зависит форма протекания, а конечный содержательный результат — от экономического движения. Если проследить логику исторического процесса, то внутренней связью вещей и событий можно и пренебречь, считать, что её не существует. Другое дело — экономика.

Стало быть, в основе всё же те же самые подходы, что и у К.Маркса в его «Предисловии» 1859 г. Но в чуть менее категорической, нежели у К.Маркса, форме, с некоторыми комментариями.

Есть ещё один важный документ — письмо Ф.Энгельса Ф. Мерингу 14 июля 1893 г.¹⁴ В нём также констатируется как недостаток определённая односторонность изучения базисных и надстроечных отношений, а именно одностороннее подчёркивание вторичности, производности надстроечных отношений от базисных¹⁵. Но есть и рассуждение, помогающее противопоставить экономическому детерминизму историко-материалистический детерминизм. Вот это рассуждение:

«В связи с этим находится также нелепое представление идеологов: не признавая самостоятельного исторического развития различных идеологических областей, играющих роль в истории, мы отрицаем и всякую

¹³ Там же. Стр. 394-395.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 39. Стр. 82-86. — М.: Госполитиздат. 1966.

¹⁵ Там же, стр. 82.

возможность их *воздействия на историю*. В основе этого лежит шаблонное, недialeктическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто почти намеренно забывают о том, что историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины»¹⁶.

Взаимодействие — вот аспект рассмотрения общественных реалий для диалектического понимания причинно-следственных отношений. Суть наших сомнений как раз и состоит в том, не лежит ли в основе Марксовых представлений о взаимоотношении базиса и надстройки «шаблонное, недialeктическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих полюсах» и не упускается ли из виду их реальное, диалектическое взаимодействие. Ф.Энгельс, понятное дело, решительно отмёл бы это наше сомнение. У нас же оно больше, чем сомнение.

5. Фетишизация производительных сил (особенно материальных производительных сил) и материального производства

И индивидуальному, и общественному сознанию свойственно отображать причинно-следственные связи общества и природы и внутри общества в искажённом виде, так, что причина кажется и трактуется следствием, а следствие — причиной. К. Маркс в «Капитале» великолепно показал это на примере товарного фетишизма (товарно-денежного фетишизма). Товарный фетишизм содержательно заключается в том, что товарная (и денежная) форма движения результатов производства (благ) представляется сознанию причиной их включения в общественное разделение и в общественную коопера-

¹⁶ Там же, стр. 84.

цию труда. Продаваемость, ликвидность – вот свойство, которое делает блага (и производящую их деятельность) пригодными для обмена деятельностью в обществе. Реально же дела обстоят как раз наоборот: благо потому может стать ликвидным товаром (и деньгами), что оно – результат труда, являющегося звеном общественно организованного труда (общественного хозяйства, воспроизводства). Чтобы быть звеном реального обмена деятельностью, ни конкретному виду труда, ни конкретному благу не обязательно становиться товаром и обмениваться на деньги. Обязательным это становится лишь в товарном (рыночном) хозяйстве.

В рассказе Р.Шекли «Задать вопрос» есть персонаж в набедренной повязке. Он требовал от инопланетного информатора-прогрессора краткого, точного, конкретного ответа на свой сугубо практический вопрос: «Какой величины должен быть лук, чтобы стрелой из него можно было сбить с неба Солнце?» Прогрессор перегорел, и в этом удачный для него выход из положения. Он никогда не смог бы убедить дикаря, что не всё, появляющееся на небе, можно подстрелить из лука. Дикарь фетишизировал лук так же, как его далёкий потомок фетишизирует деньги.

Экономический детерминизм, свойственный экономическому учению К.Маркса, дополняется (а можно сказать, и фундируется) фетишизацией производительных сил и материального производства. Не станем придирааться к степени точности или неточности определения материального производства и производительных сил К.Марксом. Просто приведём ряд его оригинальных положений. В этих принципиальных положениях подчёркивается причинная, первичная роль материального производства и производительных сил (а то и материальных производительных сил¹⁷) по отношению к иным общественным реалиям.

¹⁷ В окостенелых формулировках «исторического материализма» (каким он сложился как государственная идеология в СССР) встречается и такая: люди, трудящиеся – важнейшая составная часть производительных сил. Например:

Вот часть уже приводившегося выше «Предисловия» к книге 1859 г.: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной

*«...Производительные силы — это единство труда накопленного и труда живого, единство людей и средств труда, осуществляющееся в процессе производства» (Д.И.Чесноков. Исторический материализм. Издание второе, доработанное. — М.: Изд. «Мысль». 1965. Стр. 65). Такие формулы — эпигонский «учёт» Ленинского высказывания: «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся» (Ленин В.И. ПСС, т. 38, с. 359) и Сталинского определения производительных сил (Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. — М.: Госполитиздат. 1954. Стр.589). В связи с этим обратим внимание, что у К.Маркса в качестве первопричин общественного устройства, бытия и развития фигурируют не эти, включающие трудящегося, производительные силы, а **материальные** производительные силы. Это у К.Маркса не оговорка, а концептуальный момент. К нему мы вернёмся при рассмотрении категорий «объективное» и «материальное» в обществознании.*

революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹⁸.

В «Теориях прибавочной стоимости» (с января 1862 по июль 1863 г): «...Из определённой формы материального производства вытекает, во-первых, определённая структура общества, во-вторых, определённое отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и характер их духовного производства»¹⁹

Меня заботит не точность или неточность формулировок понятий «производительные силы», «материальные производительные силы» и «материальное производство», а представления К.Маркса (и многих его последователей) о роли производительных сил (особенно материальных производительных сил) и материального производства в развитии общества. Именно в толковании этой роли и состоит, на мой взгляд, фетишизация производительных сил (особенно материальных производительных сил) и материального производства подавляющим большинством обществоведов, считающих исторический материализм своей идеологией и методологией своих исследований.

Как ни глумился К.Маркс (и справедливо, по-моему) над шотландским материализмом, сам он не преодолел его в своём «Капитале» и вообще в своём экономическом учении. Производительным (в смысле «создающим стоимость», продукт, богатство, рассмотренным независимо от его общественной формы) К.Маркс однозначно считал труд в материальном производстве, то есть труд по воздействию на природный предмет труда или на вещь²⁰. Вся структура «Капитала» убеждает, что такое

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 13. Стр. 6-7. — М.: Госполитиздат. 1959.

¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 26, часть 1. Стр.279. — М.: Госполитиздат. 1962.

²⁰ «Выше (см. пятую главу) процесс труда рассматривался абстрактно, независимо от его исторических форм, как процесс

разделение общественно организованного труда на производительный и непроизводительный – не оговорка или некое попутное высказывание К.Маркса, а его «системное», мировоззренческое представление об устройстве общественно-экономической реальности. Материальное производство, по сути дела, является у К.Маркса если не тождественным, то почти тождественным общественной практике, или преобразовательной деятельности общества. Пользуясь терминологией К.Маркса, можно было бы так выразить подход К.Маркса: материальное производство есть базис базиса, то есть пространство процессов и явлений, общественной формой которых является базис – совокупность экономических отношений

Нет необходимости оспаривать очевидное: что материальное производство есть способ (или совокупность способов) преобразования природы, что иного способа выживать и развиваться в реалиях природы у человечества просто нет. Это безусловно так. Но всё-таки не природа – причина возникновения человечества и общественного его бытия, а, напротив, человечество в своей

между человеком и природой. Мы говорили там: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата – продукта, то средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд – как производительный труд.

... Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет своё значение в применении к совокупному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности». (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 23, Стр. 516-517. — М.: Госполитиздат. 1960).

Почему «взятые в отдельности» (по крайней мере, некоторые из взятых в отдельности) работники не могут называться производительными? Ответ К. Маркса: потому что не все органы совокупного рабочего «непосредственно прилагают свои руки» (там же, стр. 517).

Заметим попутно: такой подход неопровержимо доказывает, что его приверженцы сводят общественную практику к материальному производству, игнорируя общественную практику в её полном объёме. Но об этом впереди.

общественной форме функционирования является причиной возникновения материального производства как способа преобразования природы. Не так ли?

Именно так. Но при обсуждении законов общественной истории происходит «перемена угла зрения». В реальной истории человечество из ряда возможных вариантов приспособления к природе путём её преобразования выбирало век за веком, поколение за поколением те варианты, которые составили фактическую историческую траекторию развития материального производства, и отвергало (не реализовывало) ряд иных вариантов, также бывших реально возможными. А в сознании обществоведа (особенно если этот обществовед — экономист и усвоил манеру смотреть на остальных обществоведов сверху вниз, как базис на надстройку) та же реальная история выглядит часто совсем иначе: потребности (логика или законы даже) развития материального производства заставили человечество переходить от одних форм общественной жизни к другим. Притом чуть ли не однозначно. Причина и следствие поменялись местами не в реальной жизни, а в представлениях обществоведа о логике и истории развития.

Что касается производительных сил, то их фетишизация ещё нагляднее, чем фетишизация материального производства. С выразительной отчётливостью, как мы видели, эта фетишизация выражена К. Марксом в «Предисловии».

Следует вдуматься, как ставится вопрос, как видится проблема прогресса общества. Производительные силы развиваются себе и развиваются, но время от времени встречают препятствия и затруднения (торможение) со стороны общества, которое не успевает переорганизовываться в соответствии ...с чем? С требованиями прогресса производительных сил? С потребностями их дальнейшего развития? Так разве производительные силы имеют какие-то свои цели, отличные от целей общества? Кто кому или что кому ставит цели, задачи? Кто кого ведёт в истории? Понятно, что имеет место взаимодействие и что причина и следствие меняются местами.

Но может ли возникать такая ситуация (притом не разово, а периодически), что развитие производительных сил ставит перед собой такие задачи, что общество обязано следовать логике решения этих задач?

То, что у К.Маркса было **заложено** в подходе, у таких «марксистов», как И.В.Сталин, и у его тоталитарной партии вылилось в «стройное учение». В.И.Ленин изложил учение К.Маркса в статье «Маркс Карл»²¹. В сентябре 1938 г. написано сразу же канонизированное произведение И.В.Сталина «О диалектическом и историческом материализме»²². А далее возникло множество учебников, монографий, статей, в которых то же самое излагается и комментируется без отступления от ключевых экономико-детерминистских идей и подходов.

Экономический детерминизм и фетишизация производительных сил как фактора истории общества были доведёны во всей этой литературе до своих логических выводов.

Не удивительно, что реальная жизнь не подчиняется законам, вытекающим из экономико-детерминистских представлений. Ещё в середине 19 века К.Маркс поставил капитализму смертельный диагноз. Но строй-паразит жив до сих пор. Написано много обоснований, почему смерть капитала откладывается, хотя производительные силы «требуют» его кончины уже более полутора веков. Не пора ли осознать, что эти писания-обоснования – пустая литературщина? Не пора ли вернуться на почву исторического материализма и объяснить ход истории с историко-материалистических позиций, а не с позиций фетишизации производительных сил и материального производства? По-моему, давно пора.

Сожалею, что многими из считающих себя историческими материалистами мои объяснения будут отброшены почти «с порога», почти до серьёзного вникания в

²¹ Ленин В.И. Полн. соб. соч. Том 26, стр. 46-81. — М.: Политиздат. 1973.

²² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. — М.: Госполитиздат. 1954. Стр. 574-602.

существо аргументов и в логику доказательств. Но время лечит...

Главная перемена подхода состоит в том, что не производительные силы и не развивающееся материальное производство «подбирают» себе общественную форму движения, а общество, развиваясь по своим законам и своими способами, формирует ресурсную базу, соответствующую целям и выбранным способам своего развития. Производительные силы и материальное производство в целом – это всего лишь ресурсная база общественного развития, к тому же не в полном её объёме, а лишь в той её части, которая касается целесообразного преобразования окружающего мира (природы). Есть и иные ресурсы, которые при желании можно включить в производительные силы²³.

Капитализм переменял уже несколько типов производительных сил и материального производства. Он не ограничился этими разновидностями ресурсной базы. Он базировался сперва на мануфактурном производстве, затем на машинной фабрике, затем перешёл от базирования на промышленном капитале к базированию на финансовом капитале и империалистической экономике, сейчас готовится перейти к базированию эксплуатации непосредственно и в основном на военной силе. Попутно капитал заменяет индустриальные производительные силы «постиндустриальными», в составе которых решающими становятся военные технологии. Машинно-фабричное материальное производство, которое должно было, по логике Марксовых предвидений, «по-

²³ *К примеру, можно отнести науку к производительным силам, но не только естественные науки, а и гуманитарные. А чем менее достойны, в смысле отнесения к производительным силам, искусство, литература, все иные разновидности общественного сознания? Как только вы соглашаетесь, что человек – главная производительная сила, так ничему человеческому вы не можете отказать во включении в состав производительных сил. И нет нужды бояться этого расширения понятия, если трактовать производительные силы как ресурсную базу, а не как доминантную причину общественного развития.*

требовать» замены капиталистической общественной формы своего развития, не дождалось смены этой формы, было заменено этой «формой» на иную ресурсную базу. И промышленный пролетариат, порождённый машинным производством, если не сошёл, то сходит с исторической сцены в качестве связанного с самой передовой техникой, не осуществив миссию могильщика капитала.

Роль производительных сил и материального производства в развитии общества наверняка очень и очень существенна и значительна. Я этого не отрицаю. Я только обращаю внимание на то, что она **не такова, как представлялась** К.Марксу, Ф.Энгельсу, В.И.Ленину и их последователям, считавшим себя историческими материалистами, а на самом деле бывшим в идейном плену у экономического детерминизма. Не такова! А какова? Это стоит внимательно изучить, приняв во внимание прежде всего то, что было принято во внимание К.Марксом, но не только им. Научное изучение позволило бы отказаться от фетишизации производительных сил и материального производства, поставило бы эти реалии на их действительное место в составе исторического материализма как учения об общественном бытии.

6. Не пахнет ли такой исторический материализм идеализмом и субъективизмом? Объективное и материальное в реальности и в обществоведении

Обострю до предела мою постановку вопроса о причинах общественного движения, о факторах, формирующих общественные закономерности и тем самым облегчу задачу тем читателям и научным специалистам, которые хотели бы «встретить в штыки» и мою постановку вопроса, и мой ответ на него.

Я отрицаю преувеличение роли материального производства и развития производительных сил (особенно материальных производительных сил) в формировании закономерностей общественного бытия. Сколь бы ни значительна была эта роль, она не может дости-

гать уровня причин формирования закономерностей общественного развития. Первичная (дикая) природа, материальное производство, производительные силы, средства производства – всё это ресурсная база общественного развития, не более того²⁴. Ни требовать от общества, ни диктовать обществу цели и способы развития ресурсная база не может. Ресурсная база, вернее, её наличное состояние может выступать и всегда выступает условием, делающим реальными или нереальными в данное время и в данном пространстве приоритетные цели и проектируемые методы хозяйствования. Это именно так: об ограничивающем условии правомерно говорить в смысле определения **реальной** возможности достижения тех или иных целей в том или ином пространстве в то или иное время. Абстрактно возможно всё, реально – только то, что «укладывается» в про-

²⁴ «Труд – отец богатства, земля – его мать». Эту мудрость мы, политэкономы, часто и охотно повторяем. Не ко всякому предмету изучения уместно прилагать эту мудрость. А.Смит изучал природу и причины **богатства народов**, то есть совокупных ресурсов народного (национального) хозяйства. Когда К.Маркс стал создавать своё экономическое учение, он с самого начала избрал, как мне представляется, иной предмет – не богатство народов, не анатомию этого богатства, а анатомию общества, закономерности общественного развития. В предисловии к первому изданию «Капитала» 25 июля 1867 г. К.Маркс написал: «Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 23, Стр. 10. — М.: Госполитиздат. 1960).

В решении новой, существенно иной предметной задачи К.Маркс использовал подходы, сложившиеся до него при изучении богатства народов, то есть хозяйства, а не общества. Наверное, здесь надо искать и найти ответ на вопрос, как могло произойти, что закономерности развития общества сведены К.Марксом к сугубо экономическим процессам, а тенденции развития производительных сил и материального производства возведены в ранг законов развития общества.

странственно-временные координаты реально возможного развития ресурсной базы. Если бы это было не так и если бы развитие материального производства и производительных сил действительно чего-либо требовало от общества в аспектах направленности и смыслов развития, то невозможно было бы преграждать развитие производства в тех или иных направлениях. А ведь фактически преграды существуют и планируются. К примеру, имеются преграды для наркопроизводства, для производства химического и биологического оружия, для ряда направлений генной инженерии, для распространения производства ядерных вооружений, для охоты и рыболовства, для экологически губительных технологий и т.д.

Общество «главнее» ресурсной базы своего развития. Оно не может с ней не считаться, но говорить о подчинении общественного развития требованиям развития ресурсной базы – это очевидный абсурд. Связанность есть, но это не связанность следствия и причины. Формирование причин общественного бытия и развития осуществляется обществом, а не его ресурсной базой. Ресурсная же база, действительно, формируется и изменяется вследствие причин, исходящих от общества. Ситуация похожа на ситуацию «яйцо – курица», но, согласитесь, до возникновения общества ни материального производства, ни производительных сил не было, и дикая природа их не породила. Общественные потребности кладут начало тому и другому.

Ожидаю возражений вот с какой стороны. Если отказать природе, производительным силам и материальному производству в роли причин общественного бытия и развития, то что в обществе останется такого, что было бы объективным, то есть, как привычно говорится, независимым от воли и желания людей? Конечно, К.Маркс признавал объективными экономические отношения, базисные отношения. Отношения, подчеркнём, между людьми с волей и с сознанием, но всё же «по поводу» материального производства и функционирования производительных сил, не так ли? Потому-то они им и

названы производственными, а не межличностными, например. Повод, по которому эти отношения возникают, точно не имеет воли и сознания. И получается, что объективность экономических отношений обеспечивается как бы объективностью повода, то есть объективностью материального производства и производительных сил (материальных производительных сил). Про объективность надстроечных отношений (то есть всех остальных – кроме базисных – общественных отношений) в привычном нам историческом материализме было не принято ни говорить, ни заикаться.

Если мы с вами отпустим эту соломинку объективности общественных отношений – без сомнения, объективные материальные производительные силы, материальное производство и природу, – то не подрейфуем ли мы по коварному течению субъективизма и идеализма? Не станем ли искать и находить причины и закономерности общественного бытия и развития в том пространстве (ареале) явлений, об объективности которых исторический материализм Марксова образца вообще-то ничего не говорил?

Исторический материализм, очищенный от экономического детерминизма, всё равно должен оставаться философским материализмом и материалистически понимать и трактовать историю. На каких же основаниях, на каких трактовках объективности и материальности будет строиться историко-материалистический подход к обществу, если отказаться от примитивных подмен понятий и натяжек, связанных с фетишизацией роли природы, материального производства и материальных производительных сил?

Общество есть одна из объективных форм движения материи. Это положение для исторического материализма было и должно оставаться неизблемым. Эта его мировоззренческая суть доказывается, как справедливо отмечено ещё в 19 веке, всей исторической практикой. Но научное толкование этого положения и возможно, и уместно, и практически требуется.

Считаю мировоззренчески важным и фундаментально продуктивным (существенным для практики в целом) постановку вопроса о том, какое место в понимании общественного бытия и развития занимают категории «объективное» и «материальное». В исходном историческом материализме они призваны были обеспечить отграничение от исторического идеализма и утвердить представление о внутренне присущей обществу способности к самодвижению. При попытке К.Маркса научно фундировать эти мировоззренческие новации произошла познавательная катастрофа – вырождение исторического материализма в экономический материализм (экономический детерминизм).

Выбираясь из трясины экономического материализма спустя 150 лет после той познавательной катастрофы, поборники историко-материалистического метода не могут игнорировать узость (при всей их масштабности) первоначальных задач, вызвавших к жизни категории «объективное» и «материальное». Сегодня можно и нужно поставить вопрос о пространстве их применения более широко. А именно: какие существенные и содержательные характеристики бытия и развития общества позволяют познать категории «объективное» и «материальное».

Поставленная так задача содержит в себе импульс к углублению смысла названных категорий.

Когда мы употребляем (используем) категории «объективное» и «материальное», необходима их должная определённость. Для обеспечения такой определённости требуется уточнить (строго качественно определить) критерии различения объективного и необъективного, материального и нематериального.

Критерий объективности, привычный для исторического материалиста, — независимость от воли и сознания, а критерий материальности — быть объективной реальностью²⁵. Материальное и объективное, строго го-

²⁵ *Определение материи (материального) как объективной реальности, данной нам в ощущениях, — весьма неточное. Материальное — не только то, что доступно уже развитому*

вора, — не совпадают, не тождественны. В практической деятельности это несовпадение (нетождественность) покуда не имеет существенного значения. Но помнить об этой нетождественности надо, чтобы адекватно судить о ситуации, в которой эта нетождественность окажется существенной.

Так вот: что значит «независимое от воли и сознания», когда мы толкуем об объективном в обществе? Что имеется в виду, если мы утверждаем объективность общественных процессов и отношений?

Лукавыми, допускающими размытость смысла являются сами понятия зависимости и независимости. Взаимосвязанность и взаимообусловленность реалий природы и общества являются универсальными закономерностями. Иначе понятие целостности (единства мира) и целостности (единства общественных явлений и процессов) было бы просто бессодержательным. Не так ли? Значит, если говорится о зависимости или независимости одних реалий от других реалий, речь идёт не об утверждении или отрицании их вхождения в целое, не о включённости в единство мира или исключённости из него, не о сохранности или обрыве их взаимосвязанно-

комплексу ощущений, и даже не только то, что доступно грядущему комплексу ощущений. Практика никогда не исчерпает возможности освоения (преобразования) природы, окружающего человека мира (именно поэтому истина навеки относительна). Для определения материального достаточно указать на его объективную реальность. Практика, развиваясь, расширяет круг способов ощущения (восприятия) и пространство объективно реального, втянутого в сферу практики. Но объективно реальное непомерно шире, полнее охваченного практикой (актуализированного для человечества человеческой деятельностью и тем самым давшего себя в ощущениях).

Определение материи (материального) как объективной реальности, данной нам в ощущениях, рождено в полемике с агностицизмом. Стремясь опровергнуть идею ограниченности познания, В.И. Ленин повёл полемику в плоскости «способен или неспособен человек познать всё без исключения». А необходимо и достаточно было доказывать, что человечество способно познать всё, что актуально по меркам его потребностей и способностей к практической деятельности.

сти с остальным миром и их взаимообусловленности с иными реалиями. Значит, требуется выделить некие особенные взаимосвязи и особенную взаимообусловленность, которые обладали бы тем качеством, наличие которого называют зависимостью, а отсутствие — независимостью.

Можно было бы отыскивать эти особенности, делающие взаимосвязанность и взаимообусловленность зависимостью, в отношениях создания (формирования) зависимого, в отношениях предопределения устройства, способов воспроизведения (устойчивости), перспектив движения. Но полагаю, что не этот путь плодотворен и актуален. Идти следует от задач углублённого понимания общественного бытия и развития. Как было объяснено выше, причинное пространство этого бытия и развития — не вне, а внутри общества. Как будет показано ниже, способом (универсальной формой) общественного движения является действие и взаимодействие социальных субъектов. Именно в этих действиях и взаимодействиях реализуются воли и сознания. Никаких иных волей и сознаний, кроме волей и сознаний социальных субъектов, не существует.

Как только мы определяем объективное как независимое от воли и сознания (от любой воли и любого сознания), мы попадаем в ловушку. Независимость от несуществующих, от мнимых волей и сознаний (от божьей воли, от абсолютного разума, например) — это одно, а независимость от воли и сознания реальных социальных субъектов — это другое. Независимость от волей и сознаний реальных социальных субъектов означала бы выведение всего реального общественного из пространства объективного.

По-моему, недопустимо рассуждать о независимости от воли и сознания безотносительно к структурности социально субъектного. Социальные субъекты суть элементы целостности, им свойственно качество системного единства. Отношения зависимости или независимости от воли и сознания — это структурные отношения в рамках системы социальных субъектов. То общественное,

что порождено и воспроизводится (или разрушается) действиями более крупных социальных субъектов, для менее крупных социальных субъектов (входящих в более крупные) оказывается независимым от их действий, воли и сознаний.

При таком подходе об объективности как свойстве общественных процессов и отношений можно рассуждать более предметно.

Их объективность означает прежде всего то, что общественные процессы и отношения не зависят от внешних для общества воли и сознаний (типа божьей воли, божьего промысла, некоего предназначения, абсолютной внеобщественной идеи или абсолютного внеобщественного разума и т.п.). Независимость означает, что общество не есть результат осуществления чьей-то надобщественной или внеобщественной цели, не может корректироваться, контролироваться, направляться и управляться никем и ничем извне общества. Общество совершенно суверенно в своём возникновении, развитии, деградации и самоликвидации.

Второй аспект объективности общественных процессов и отношений состоит в том, что целообщественные свойства не зависят от воли и сознания отдельных людей. Когда К.Маркс констатирует, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения...», это не следует понимать так, будто люди до этого «вступления» были вне общественных отношений, а «вступив», образовали общество вкладчину. Нет, методология робинзонад чужда К.Марксу. Буквально через несколько строк он категорически (возможно, слишком категорически) заявляет: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»²⁶

Напомню, что мы обсуждаем не взгляды К.Маркса, а вопросы исторического материализма. Исторический

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Том 13.- М.: Госполитиздат, 1959. Стр. 6-7.

материализм признаёт, что общество, будучи целостным, состоит из людей и социальных групп. Индивидуальные и групповые воли и сознания, индивидуальные и групповые действия суть общественные реалии, то есть входят в общественное пространство, являются частью содержания общественного бытия. Исторический материализм признаёт также, что общество как целостность не сводится к сумме своих частей (реалий, элементов), а совокупность (набор) общественных реалий не есть общество как целокупность (целостность, «организм», система – по более поздней терминологии, пришедшей из естественных наук).

Общество как целостность и составляющие его процессы и элементы (в том числе индивидуальные и групповые воли, сознания, действия) взаимодействуют по законам связанности целостности и её структурного строения. Целостность сохраняет (воспроизводит) конституирующие качества общества, внутриобщественные процессы развёртывают и конкретизируют эти качества и накапливают изменения строения и свойств, приводящие в ходе развития к обретению целым новых качеств. Всё это – известная диалектика.

Устройство общества, его конституирующие качества объективны для воли и сознаний отдельных людей и общественных групп. Но существо, отличительная особенность общественной формы движения материи – в наличии сознания и в сознательном действии, в наличии воли и сознаний. В обществе нет ничего бессознательного и безвольного кроме целообщественных качеств, поддерживаемых (как увидим ниже) не иначе как сознательными, целенаправленными идеями, представлениями, стремлениями и действиями

Объективное в общественном бытии и развитии осуществляется не иначе, как в форме субъектных действий, исходящих из субъективных воли, побуждений, сознаний и содержательно состоящих из их реализации.

Такова же, в принципе, и особенность материальных свойств общественного бытия и развития. Общество как форма движения возникло в связи с активизацией и

достижением материей нового (более высокого) качества процесса отражения окружающего мира – способности сознавать, сознательно (а не только и не столько интуитивно) ориентироваться в окружающем мире, осознавать себя в окружающем мире особенно (относительно обособленно), представлять окружающий мир в ином (вероятном, идеальном) виде, то есть мысленно преобразовывать окружающий мир. Общественная форма движения не перестала от этого быть формой движения материи. Но это уже форма движения осознающей себя материи, способной представлять окружающий мир изменённым. Материальность общества критериально состоит в наличии целостности, закономерности, то есть в обеспеченности единства, качественной определённости и качественной устойчивости самовоспроизведения. Различение объективного и субъективного в обществе актуально (имеет предметный смысл) в аспекте взаимоотношений общества в целом и его частей (социальных групп, индивидов). Структурные части общества (субъекты) обладают способностью самостоятельно (субъективно) отражать реальный мир (в том числе и общественный). Но сами они (субъекты) являются составными частями объективного общественного мира. Отсюда правомерность и достоверность такого рода суждений: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Субъективное, воплощаясь в субъектном, делает шаг в сторону превращения в объективное. Объективное общественное просто не может возникать и воспроизводиться из чего-либо иного, кроме как из субъектного, воплотившего в себе субъективное. Идеализм не имеет к этому никакого отношения. Исторический идеализм, отыскивая причины и закономерности общественного бытия и развития, оперирует либо внеобщественным сознанием (разумом), либо индивидуальным сознанием (разумом). А исторический материализм, отыскивая причины и закономерности общественного бытия и развития, исключает из зоны поисков внеобщественное сознание (внеобщественный разум), а индивидуальное сознание берёт в расчёт не в

разрозненном, а в массовидном виде, как миллионы волей и сознаний (притом, ещё раз подчеркнём, не в разрозненном виде, а в субъектно организованном и в субъектно (как материальные социальные силы) проявляющемся).

P.S. к разделу 6. В.И.Ульянов (Ленин), излагая Марксово материалистическое понимание истории, не преодолел Марксовой фетишизации материальных производительных сил и материального производства, но отметил принципиальный прогресс в самом подходе к действиям людей как к фактору общественного бытия и исторического развития. «...Прежние теории не охватывали как раз действий **масс** населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий»²⁷. Действия масс — понятие обобщённое, но адекватное сути проблемы познания объективного и материального в обществе. Оно открывает путь к познанию и борьбы классов, и классовых взаимодействий, и вообще субъектного в обществе.

В связи с этим уместно восславить то, что писано по этому поводу К.Марксом в «Нищете философии», в параграфе V. «Стачки и коалиции рабочих». В частности, такие мысли: «Экономические условия сначала превратили массу населения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но ещё не для себя самой. В борьбе ... эта масса сплачивается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса есть борьба политическая.

²⁷ Ленин В.И. ПСС. Том 26, с. 57. — М.: Политиздат. 1973.

... Из всех орудий производства наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс»²⁸.

Написано это в 1847 г., за 12 лет до не раз упоминавшегося «Предисловия». Отчего К.Марксу потребовались в «Предисловии» только материальные производительные силы, без революционных классов? Оттого, что в 1850-е годы в понимании общественного бытия и развития К.Маркс явно пошёл не вперёд, а в сторону, в методологический тупик экономического материализма. Увы! И как раз Марксовы экономико-детерминистские представления о материалистическом понимании истории, как они сформулированы в «Предисловии», были восприняты его последователями как классическое изложение историко-материалистической идеологии. Среди марксистов не принято было пристально всматриваться в противоречивость написанного К.Марксом и Ф.Энгельсом. А в тоталитарной сталинистской системе и в советской общественной науке — не просто не принято, а самоубийственно. Сейчас, когда всё то, что в СССР называлось «марксизм-ленинизм», снято с вооружения как государственная идеология, когда всё это не считается достижением обществознания, когда армия треклятых «борцов за чистоту марксизма-ленинизма» скукожилась и в большинстве своём перелицевалась в защитников либерального фундаментализма, — вот сейчас самое благоприятное время освободиться от экономико-детерминистских моментов в доставшемся нам обществоведческом наследии и вновь ощутить и продемонстрировать подлинную ценность и плодотворность историко-материалистического метода.

7. Самоорганизация общества, обеспечивающая ему способность к самодвижению. Общественное, субъектное, субъективное как ипостаси движения общественной материи. Соотношение общественных сил, общественный строй

²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Том 4.- М.: Госполитиздат, 1955. Стр. 183-184.

Приведу ещё один, дополнительный аргумент, способный, по-моему, подкрепить отстаиваемый мною подход к выявлению причин общественного движения. Сравним биологическую и общественную формы движения материи (надеюсь, их качественное различие и качественная определённость не подвергаются сомнению). Как биологические, так и общественные формы материальной жизни происходят в природе, в деятельном контакте с окружающим миром. Более того, людские популяции в биологическом отношении схожи с нелюдскими. Но человек, как объяснил нам ещё Аристотель, животное общежительное, то есть не стадное, а общественное. Деятельный контакт и связанность с окружающим миром у людских и нелюдских сообществ вроде бы схожие (если не одинаковые по значению в их существовании). Если, как полагают вульгарные детерминисты, природа (окружающий мир) является причиной (причинным пространством), то отчего же столь разнятся следствия – биологическая и общественная формы существования и развития?

Дело, надо полагать, всё же в том, что разные формы жизни являются следствиями разного рода причин. Одни причины следует искать в пространстве существования биосистем. Другие – в общественном пространстве. Этот подход мы и отстаиваем.

Чем является общество? Универсальной и единственной формой существования людей. Не станем сейчас вникать в процессы социогенеза и антропогенеза, а тем более в научные дискуссии по их поводу. Достаточно зафиксировать, что общество стало формой существования людей, когда человек стал человеком и перестал быть стадным животным. А перестал человек быть стадным животным, когда стал жить и действовать общественно, то есть стал человеком²⁹.

²⁹ Любимая модель метафизического мышления «Человек перестал быть животным, но ещё не стал общественным человеком» не могла существовать в реальной истории. Потому что в природе и в обществе появление нового качества (тогда

Свойство, которое делает общество пригодной для людей формой их жизни – самоорганизованность, структурность (устройство). В рассматриваемом отношении структура общества есть устойчивая, системная упорядоченность взаимоотношений (взаимодействий) людей. Эта упорядоченность порождает и воспроизводит целостность и сама воспроизводится целостностью общества. Таким образом, по своему устройству общество как форма жизни людей есть структурированная целостность (понятно, что не в статике, а в динамике).

Совмещённость (единство) свойств устойчивой целостности и структурированности – вот в обобщённом виде то общественное пространство, в котором сосредоточены причины общественного движения. Здесь следует искать и находить закономерности, причинно-следственные взаимосвязи сущностного типа.

Ключевыми реалиями (и понятиями), воплощающими (и научно отражающими) такие взаимосвязи, являются «общественное (целообщественное)», субъектное и субъективное. Именно в них реализуется материальность общественного движения как внутренне противоречивое и устойчиво воспроизводящееся единство целостности и структурности общества.

Общественное (целообщественное) – закономерная сущностная и содержательная связанность явлений общественной жизни, свойство устойчивой самовоспроизводимости (самодвижения) общества. Общественное (целообщественное) по отношению к субъектному и субъективному материально и объективно.

Субъектное (субъектность) – тип общественного поведения субъектов, тип организованности общественных взаимодействий, суть и отличительный признак которого (типа) состоит в том, что участники взаи-

самый диалектический скачок) не разделяется на два этапа: первый - исчезновение старого качества, второй – появление нового качества. Вот где уместна бытовая истина о невозможности преодолеть пропасть в два прыжка. А переход от старого качества к новому – воистину прыжок через пропасть.

модействий являются общественными субъектами. Общественный субъект – элемент общественной структуры, действующий в обществе самостоятельно, «от себя самого», источник активности, направленной на других субъектов или на объекты.

Субъективное – самостоятельно (как правило, самостоятельно) вырабатываемые субъектами восприятия и оценки общественных реалий, а также суждения субъекта об общественных реалиях.

Субъективное – универсальная форма непосредственного (контактного) ориентирования субъектов в обществе, форма осознания воздействий общества на субъект и тем самым своего места, свободы и ограничений в обществе. Субъективное способно накапливаться, распространяться (передаваться) и превращаться в опытное знание, в научное знание, становится фактором и содержанием субъектного группового сознания. Субъективное – не фантомные, не миражные, не призрачные восприятия, оценки и суждения. Это общественные реалии, и как таковые они материальны, то есть входят в состав общественной формы движения материи, они – её явленческая разновидность. Субъективное принадлежит к общественной форме движения материи (в отличие, допустим, от сновидений и иных бессознательных явлений).

Общество как целостность не является субъектом, отличным от иных субъектов. О субъектности общества можно говорить лишь в том смысле, что его субъектные проявления совпадают с совокупностью действий всех субъектов, составляющих структуру общества. То есть целообщественное – не субъектно и в этом единственном смысле объективно.

Природа общества как структурированной целостности предопределяет наличие у субъектов как элементов общественной структуры своего места в общественном целом – социального положения. Социальное положение каждого из субъектов не совпадает с общественным целым, относительно обособлено в этом целом. Абстрактно (но лишь абстрактно) говоря, социальное

положение может быть качественно одинаковым у всех субъектов³⁰, относительно обособленных в обществе. Реально же социальное положение разное³¹, так что относительная обособленность означает и относительную обособленность субъектов в общественном целом, и обособленность их относительно друг друга. Одновременно с этим имеют место социальная сгруппированность субъектов (что приводит к существованию субъектов разного общественного масштаба, в том числе к существованию крупных социальных групп) и социальная интегрированность в общество (социализация).

Субъекты действуют в обществе, исходя из своих субъективных восприятий, суждений, оценок. Идеальные представления о желаемых состояниях общественных условий жизни вырабатываются субъектами и способны распространяться в обществе, становиться представлениями иных субъектов, множества субъектов. Массово распространившийся идеал становится идеологией, то есть фактором мобилизации и организации множества субъектов для совместных действий. Множество субъектов, сгруппированных сходством социального положения и общей идеологией, становится социальной силой, то есть реально действующим крупным общественным субъектом. Взаимодействия социальных сил называют-

³⁰ Социальная однородность – фундаментальное понятие в социалистических идеологиях. Не обсуждая эту тему сейчас, отметим лишь, что социалисты говорят о социальной однородности в смысле устранения социального неравенства, а не в смысле стандартизации и достижения однообразности жизни в обществе.

³¹ Ю.Н.Давыдов в своей книге «Труд и свобода» великолепно проанализировал ситуацию первобытно-общинного общества. Он показал, что в те времена одинаковость социального положения была тождественна отсутствию личной, индивидуальной субъектности. И в этом смысле приложение понятия «коммунизм» к первобытно-общинному состоянию весьма зловеще, ибо порождает или поддерживает отпугивающие представления о коммунизме как о возможном будущем, как о казарменном обществе в стиле антиутопий Е. Замятина или О. Хаксли.

ся политикой. Политика, стало быть, – универсальная форма внутриобщественных взаимодействий в структурированном обществе. Общество в целом, отметим на всякий случай, не является субъектом политики. Оно является пространством политики.

Социальные силы являются движущими силами общественного бытия и развития. В нормально развивающемся (недеформированном) обществе действуют (взаимодействуют) несколько социальных сил. Системная совокупность (то есть совокупность органично принадлежащих обществу социальных сил) представляет собою общественное устройство (общественный строй). Качественная определённость общественного строя является выражением и следствием соотношения социальных сил.

Соотношение социальных сил, общественный строй (структура действующих социальных сил, то есть социальная структура) – таковы **сущностные** характеристики общества как целостности, как объективной общественной реальности. Все иные, прежде всего содержательные характеристики общества являются «развёрткой» (конкретизацией, реализацией) этих сущностных характеристик.

Прошу позволения развить своего рода методологический сюжет, который прояснит отстаиваемый мною подход. Не получается ли так, что соотношению социальных сил мною приписывается некая функция, творящая всё остальное в обществе? Это, согласитесь, было бы странно: ведь соотношение социальных сил предполагает их состав, круг, множество, находящееся в конкретном и изменчивом состоянии. Какие-то силы ослабевают и «рассасываются», какие-то, напротив, усиливаются или возникают. Не получается ли, скорее, что не всё иное в обществе является «развёрткой» (конкретизацией, реализацией) социальных сил, а, напротив, соотношение социальных сил (если такая интегральная характеристика общества вводится и имеет смысл) является **обобщённым следствием** («свёрнутым видом») всего, что делается в обществе?

Можно (не запретишь) представлять себе общественный мир и так. При таком представлении сущность оказывается результатом взаимосвязи конкретных явлений и содержательных связей. Этот подход мне не подходит, не выбирается мною как методология, ибо кардинально расходится с моими (и, я полагаю, историко-материалисти-ческими вообще) представлениями о диалектике целостного и его структурных элементов.

Как выглядит целостность (целое), по логике неприемлемой для меня методологии? Как набор, агрегат, совокупность, сумма конкретного. Сущность этого набора – понятие условное, абстрактное в смысле отвлечённости от реальности, это некое единство конкретного, состоящее в его «расположенности рядом друг с другом», в сосуществовании. По историко же материалистическим представлениям, «единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности» (Ф.Энгельс). И если я выбираю отстаиваемый мною подход, то именно потому, что он позволяет подходить к обществу материалистически (то есть как к движению материи в общественной форме). Материалистичность означает признание закономерных, внутренне присущих обществу сущностных связей, а тем самым целостности общества. Именно закономерности делают общество целостностью и воспроизводятся при воспроизведении (при самодвижении) общества как целостности. Совершенно необходимо отличать целостность общества от полного набора общественного конкретного.

Из сказанного следует, что соотношение социальных сил, общественный строй как интегральные сущностные характеристики общества не совпадают с набором (суммой) конкретных элементов общественной структуры, а являются свойствами общественного целого, объективными, материальными характеристиками целостных свойств общества.

Диалектика целого и его составных частей заслуживает, несомненно, самого пристального внимания методологов. В числе наиболее актуальных для обществознания – вопрос о том, как формируются (образуются)

целообщественные характеристики (свойства, сущности) и как и в какой мере они формируют (например, ограничивают, иницируют, стимулируют, пресекают и т.п.) конкретные общественные процессы. Целообщественное не имеет для своей реализации некоего целостного субъекта, оно реализуется в деятельности всех субъектов, всех социальных сил. Как происходит, что внутренняя структура общества действует как способ реализации целообщественных характеристик? Очевидно, дело в том, что соотношение социальных сил как целообщественная характеристика формирует некое исторически (то есть относительно) устойчивое состояние, объективно необходимый тип взаимодействий социальных сил, и это удерживает в тот или иной исторический период действия социальных сил в рамках этого состояния. Соотношение сил в своём не конкретно-явленческом, а в своём устойчиво-сущностном, качественно устойчивом виде устанавливает (формирует) устойчивый *тип* взаимодействий конкретных социальных сил, чем и обеспечивается целостность и устойчивость общества.

8. Социальные силы как движущие силы общества

Чтобы научно отразить реальные общественные процессы, приходится ввести категорию «социальные силы» («социальная сила») наряду с категорией «субъект общественных взаимодействий» («субъект политики»). Социальные силы – тоже субъекты политики. Но в реальной общественной жизни субъекты субъектам – рознь. Ради «ухватывания» одного из важных различий и требуется выделить из общей совокупности субъектов социальные силы.

Воспользуемся удачным определением социальных сил, данным Г.Я.Ракитской:

«Силы социальные (социально-политические, политические) – реальные субъекты конкретных политических взаимодействий (реальные субъекты политики), которые выражают и весомо отстаивают в этих взаимодействиях интересы тех или иных элементов социальной структуры общества (социальных групп, соци-

альных общностей) в области формирования условий и способов их жизнедеятельности и в области формирования целей, средств и механизмов развития общества в целом. Социальные силы – это движущие силы общественного развития.

... В обществоведении, научно и идейно обслуживающем социальную практику трудящихся классов, понятие “социальная сила” включает в себя процесс и состояние (на конкретно-исторический момент) *самоорганизации социальной группы*»³².

Критерий выделения социальных сил в совокупности субъектов – их весомость, влияние в общественных взаимодействиях³³. Для точности надо отметить, что не всякий влиятельный фактор общественной жизни следует именовать социальной силой. Например, идея, оказывающая огромное влияние на умы, на общественное сознание – материальная сила, то есть реальный фактор общественных отношений и общественного движения. Но идея сама по себе – не субъект, не элемент общественной структуры. Поэтому её не следует именовать социальной силой. Социальная сила – это всегда субъект, оказывающий существенное влияние на общественные взаимодействия, на их ход, направленность и результаты.

³² *Ракитская Г.Я. Силы социальные (социально-политические, политические). – Статья в «Энциклопедии трудящегося и эксплуатируемого народа». Выпуск 10. – М.: Школа трудовой демократии. 2009. Стр. 388.*

³³ *По этому критерию (по критерию влияния) социальной силой может стать и такой субъект, как отдельный гражданин или немногочисленная группа общественных деятелей. История СССР позволяет привести подобные примеры. Это А.И.Сол-женицын, в одиночку поднявший моральное восстание против фашистской системы своим «Архипелагом ГУЛАГ» и морально одолевший (повергнувший) эту систему. Это правозащитное движение в СССР (А.Д.Сахаров, С.А.Ковалёв, А.Подрабинек, Московская Хельсинская группа и др.). Но такие случаи – всё же редкость. Грозными воинами в общественном поле в одиночку обычно не бывают.*

Целостность общества не позволяет социальной силе ограничить своё влияние вопросами улучшения социального положения только тех социальных групп, интересы которых она отстаивает в политике. Общественный мир настолько един, что социальный сепаратизм в нём реально невозможен (хотя и может декларироваться в порядке демагогии или по причине политической недоразвитости – как у российских профсоюзов, например, в 1990-е годы). Поэтому социальная сила как влиятельный субъект не может не затрагивать своими стремлениями и действиями целообщественных вопросов, включая цели общественного развития, общественное устройство и переустройство, направленность развития общества и др. Именно этот аспект действия социальной силы придаёт ей свойство движущей силы общественного развития. На этом свойстве социальной силы и его обустройстве остановимся специально.

Социальная сила – сила созидательная. Этот влиятельный субъект общественной жизни всегда располагает идеологией (чаще – собственной, в иные периоды – идеологией политических союзников). Идеология – массово распространённый идеал (и в этом смысле – материальная сила). Идеология содержит представления о месте социальной группы (социальной силы) в обществе. Место это «пеленгуется» прошлым, настоящим и будущим этой группы в сравнении с иными социальными группами. Перспективы представляются вариантно, включая как благоприятные, так и неблагоприятные варианты возможного социального положения. Идеология даёт ответ и на вопрос об условиях достижения социальной группой желаемого (благоприятного) будущего общественного положения. Такими условиями всегда являются активные общественные действия (борьба) за свои интересы, за улучшение своего общественного положения. Эта борьба неизбежно вклинивается в контекст общественных взаимодействий с другими социальными силами.

Реальная общественная значимость социальной силы всегда начинается с обретения собственной идео-

логии, а идеология – с формирования представлений о желаемом социальном положении, а через это – о желаемом общественном устройстве.

Идеология – это не всё в обустройстве социальной силы как движущей силы общественного развития. Идеология разворачивается в программу политических действий, в организацию социальной силы, в принципы взаимодействия с союзными и враждебными социальными силами, в мораль данной социальной силы, в её политическую культуру во всех её проявлениях. Субъект общественной жизни, длительно действующий в обществе, развивает обычно общественное пространство своей жизни (общественное пространство жизни класса, социальной группы, общности).

**9. Общественная практика в её полном объёме.
Ненужность для исторического материализма
деления общественных отношений
на базисные и надстроечные**

Открытие К.Маркса состояло в том, что «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии»³⁴. Из этой идеи проистекало придание исключительных причинных свойств материальному производству, материальным производительным силам, способу производства материальной жизни, материальным условиям существования экономических отношений и тому подобным материальным ипостасям реального бытия общества. Все общественные отношения, за исключением экономических, лишались таких свойств – быть причинами общественного бытия и развития. В этом суть разделения К.Марксом общественных отношений на базисные и надстроечные. У эпигонов К.Маркса и Ф.Энгельса в области исторического материализма деление на базис и надстройку охватывало даже не только

³⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 13. Стр. 6-8. — М.: Госполитиздат. 1959.

общественные отношения, но и конкретные институты,³⁵ что приводило иной раз к диковинным утверждениям.

Я утверждаю, что *отмежевание историко-материалистического метода как целостно обществоведческого метода от метафизического экономического материализма (экономического детерминизма) делает ненужным Марксово учение о базисе и надстройке для выявления закономерностей и механизмов общественного бытия и развития.*

Принципиальная аргументация этого моего утверждения такова.

Марксову задачу «искать анатомию общества» (или ключ к анатомии общества) я интерпретирую как задачу выявления закономерностей, способов и механизмов общественного бытия и развития. Представляя себе общество не иначе, как некую целокупность (целостность), приходится с огромной настороженностью относиться к любым идеям и попыткам искать анатомию целокупности в каком-либо её сегменте, секторе, части. Настороженность должна переходить в полное отторжение всякий раз, когда на основе исследования части (или частей) целого делается вывод о закономерностях движения целого. Поэтому любые методы исследования «от пунктиков» (от клеточек, как у К.Маркса в «Капитале») или «от кубиков» (пресловутый междисциплинарный подход) принципиально неприемлемы для изучения закономерностей движения целого.

Приостановимся для уяснения высказанной мысли. Представьте, что вам предлагают исследовать закономерности бытия и развития мирового Океана. Воору-

³⁵ Мне не раз приходилось отмечать это в печати как пример приведения учения о базисе и надстройке к абсурду. См., например, Б.В.Ракитский. О характере и основных формах осуществления экономической роли социалистического государства. – В книге «Учение В.И.Ленина об экономической роли государства и современность. Научная конференция (Тезисы докладов и сообщений)» – М.: Институт государства и права АН СССР. 1969. Стр. 12-16.

жённые идеей исследования «от клеточки», вы принимаетесь вдоль и поперёк толковать о капле воды. Вы фиксируете внутреннюю противоречивость этой капли, вы демонстрируете изощённую диалектику суждений вокруг этой капли, но вынуждены будете время от времени добавлять к вашей капле то, что в ней самой не содержится, а содержится в планете Земля, частью которой является Океан. Точно так же получалось и у К.Маркса, который взялся изучать товар как каплю материального богатства и объявил товар клеточкой капиталистического способа производства. Из этого подхода проистекло много нелогичностей в выводах, сбоев в доказательствах. Первый сбой у него в рассуждениях — необъяснённая превращения денег в капитал, второй — необъяснённая отношений эксплуатации. Очень крупный и далеко ведущий сбой (особенно у последователей К. Маркса) — отождествление капитализма с товарным производством, а социализма — с антитоварными отношениями.

Отвергая в принципе правомерность поиска закономерностей бытия и развития общества в исследовании частей общественного целого, мы вынуждены спросить себя: а как же быть с практической деятельностью? Отрицаем ли мы изучение практики в качестве поиска закономерностей общественного бытия и развития, поиска анатомии общества?

Нет, не отрицаем. Напротив, признаём. Но практика, на наш взгляд, должна быть взята в этом случае (для этой исследовательской задачи) в её полном объёме, а не в усечённом виде — не в виде одного только «материального производства», «способа производства материальной жизни» (всё это — заветные понятия К.Маркса).

Общественная практика в её полном объёме — это как раз и есть общество в целом. Общественная практика в её полном объёме — целокупность общественных процессов, включая их сущность, содержание и формы.

Историческими материалистами привычного образца (то есть не порвавшими с экономическим материализмом) немедленно может быть задан, что называется,

«вопрос на засыпку»: вы, дескать, признаёте социальные силы как движущие (причинные) силы общественно-го бытия и развития, а ведь они (социальные силы) действуют, исходя из своих интересов, то есть исходя из осознания своего реального положения в обществе. А это-то положение есть прежде всего положение в материальном производстве, материальное положение и т.д. и т.п.³⁶

Наличие и существенность материального производства, материального положения нами ничуть не отрицается, отрицается их полное отождествление с пространством причин общественно-го бытия и развития. Социальные силы как движущие силы общества исходят из своего реального общественно-го положения и из интересов как осознанных потребностей. Но социальное положение сформировано во всех случаях общественной практикой в её полном объёме, а не только практикой материального производства. Только и всего. Но это необходимо и этого достаточно, чтобы отстаиваемый нами исторический материализм был качественно иным научным методом и качественно иной идеологией, нежели привычный нам доселе исторический материализм, пронизанный тлетворной метафизичностью экономического материализма.

Исторический материализм, который включает в себя деление общественных отношений на базисные и надстроечные, понимаемые как отношения первичные, причинные и вторичные, всегда следующие из причин, — такой исторический материализм фактически чурается идеи «причины и следствия в обществе меняются местами». Уступка под давлением критики насчёт обратного влияния надстройки на базис не меняет ограничен-

³⁶ Подобным образом верующие «срезают» атеиста: если вы признаёте какие-либо ценности как ориентиры поведения, то вы должны признать и наличие Господа; иначе откуда же у человека взятась душа и ценностям? Вывод, что человек накапливает всё это посредством реальной общественной практики, кажется верующему неправдоподобным, произвольной выдумкой.

ность такого исторического материализма в принципе. Такому историческому материализму недоступно понимание общественного бытия и развития как системы взаимодействий, воспроизводящей общество как структурированное целое.

Из-за своих представлений о базисе и надстройке отвергаемый нами исторический материализм вынужден культивировать примат материального производства, притом как над «духовным производством», так и над обществом в целом. Единственный же примат³⁷, который мы готовы признать, – это примат общественного целого над любой из его частей, но мы ни при каких обстоятельствах не признаем примат части над целым.

Диалектика общественного целого и частей общества нуждается в дополнительном научном рассмотрении. По-видимому, тут много что сулит славу первооткрывательства. Но и до этого рассмотрения очевидно, что диалектика целого и частей в обществе не такова, какова она в природе. Части суверенны и целое суверенно. Части к тому же субъектны. Ничего подобного в природе нет.

В виду этих особенностей, не учтённых К.Марксом при экономико-детерминистском анализе взаимосвязи целого и частей, материального (экономического, базисного) и надэкономического (вторичного, надстроечного), учение К. Маркса о базисе и надстройке не может быть востребовано в историческом материализме, освобождённом от экономического детерминизма.

В силу тождества общественной практики в её полном объёме и общества в его реальном бытии и развитии не требуется иного причинного пространства, кроме самого общества.

Этого, пожалуй, вполне достаточно для освобождения методологии исторического материализма от чужеродных для неё подходов.

10. Резюме предшествующих рассуждений.

³⁷ На всякий случай: принцип примата – принцип причинного доминирования чего-то над чем-то.

**Вовлечение в предметное изучение сущности,
содержания и способов общественного самодви-
жения**

На всякий случай напомню (лишний раз отчётливо прорисую) читателю логику рассуждений в этом очерке. До сих пор внимание было сосредоточено на осмыслении общества как особой формы движения материи (материального мира). Заход от столь общего плана продиктован необходимостью зафиксировать фундаментальное отличие исторического материализма от исторического идеализма и определиться с пространством, в котором располагаются причины общественного бытия и развития. Это пространство – само общество. Нечто внешнее для общества исключается историческим материализмом как причинное пространство. Тем самым исключаются как причины божественное предназначение, божья воля, божий промысел, абсолютная внеобщественная (и надобщественная) идея и прочие покушения на способность общества к самодвижению.

Важным звеном в принятой мною логике рассуждений является отмежевание исторического материализма от экономического материализма (экономического детерминизма). Это отмежевание психологически сложно для всякого, чьё мировоззрение сформировалось под влиянием марксизма (или марксизма-ленинизма). К.Маркс, приходится признать, не осилил исторический материализм как методологию исследований и в «Капитале» оказался экономическим детерминистом³⁸. В результате Марксов вариант исторического материализма

³⁸ Ф.Энгельс много раз заявлял, что разделяет взгляды К.Маркса. Ф.Энгельс по праву наравне с К.Марксом является основоположником исторического материализма. Его труды не пронизаны экономическим детерминизмом, в отличие от «Капитала» К.Маркса. А такое мощное исследование, как «Положение рабочего класса в Англии» (1845), заложившее основы историко-материалистической социологии и социальной политики, и вообще, по-моему, свободно от экономического детерминизма. Оговорюсь, что отмечаю это по накопившимся личным впечатлениям, а не на основе специального анализа.

оказался с примесью фетишизации материального производства и развития производительных сил (особенно материальных производительных сил), так что эти процессы оказались введёнными в пространство причин общественного бытия и развития. Я полагаю, что это методологический сбой, от которого исторический материализм должен быть освобождён (очищен). Ни развитие материального производства, ни развитие материальных производительных сил не могут быть причинами общественного бытия и развития. Сколь ни велика была бы их роль как ресурсной базы этого бытия и развития.

Исключив внеобщественные сознательные силы и природные условия бытия и развития общества из числа причин, формирующих направленность (вектор) его движения, способы движения и исторические результаты, мы оказываемся перед задачей материалистического понимания и истолкования общественных закономерностей, используя исключительно общественные реалии. Аксиома, что в обществе нет ничего бессознательного, все общественные реалии (явления, процессы) включают сознательное как своё неперемное свойство, от которого неправоммерно абстрагироваться. Такова особенность общественной формы движения материи.

Отмеченная задача потребовала научной трактовки общественного как материального и как объективного. Как категории такой трактовки предложены «общественное», «субъектное» и «субъективное». Способность общества к самодвижению проявляется в его самоорганизации, во внутреннем устройстве как противоречивого единства целообщественных и поэлементно-структурных свойств. В субъектном ряду возможно и целесообразно выделить круг (тип) влиятельных субъектов в отличие от оказывающих незначительное влияние на общественные процессы. Так вырабатываются категория «социальная сила» (социальные силы) и категория «соотношение социальных сил», отражающая целообщественное качество общества.

Такова логическая траектория уже проделанных рассуждений. Они подвели меня *к предположению*, что

причины (и тенденции, закономерности) общественного бытия и развития – действия социальных сил, но не порознь (так не может быть в силу целостности общества), а во взаимодействии, в общественных взаимодействиях. Проверить это предположение можно не иначе, как включив в предметное изучение само движение общества, его сущность, содержание и способы осуществления.

Нельзя сказать, что по проблематике общественного движения в историческом материализме нет или мало наработок. Они есть, но, как правило, они фрагментарны, не соединены не только в стройное учение, но даже в целостную картину. Немногие попытки дать общую картину не совсем удовлетворительны, не совсем приемлемы. Так, картина общественного движения, данная К Марксом в «Предисловии» к «К критике политической экономии» (1859), неприемлема в силу её экономико-детерминистской деформированности. От такой деформированности не совсем свободна и картина общественного движения, изображённая Ф.Энгельсом. Но всё-таки у Ф.Энгельса, в сравнении с К.Марксом, общественное движение менее обезличенное и не уподобляется мерному сбрасыванию развившимися материальными производительными силами ставших для них тесноватыми базиса и надстройки.

«Мы делаем нашу историю сами, — пишет Ф.Энгельс Й. Блоху в сентябре 1890 г., — но, во-первых, мы делаем её при весьма определённых предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счёте решающими. Но и политические и т.п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»³⁹. А дальше у Ф.Энгельса — «во-вторых», то есть иной аспект общественного движения: не при каких условиях и предпосылках мы делаем нашу историю, а как мы её делаем, как действуем и что получаем в итоге действий.

³⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 37. Стр. 395-396. — М.: Госполитиздат. 1965.

«Во-вторых, — читаем у Ф.Энгельса, — история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причём каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и *безвольно*. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечёт физическая конституция и внешние, в конечном счёте экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого всё же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в неё»⁴⁰.

Картина общественного движения, изображённая Ф.Энгельсом, на мой взгляд, не содержит ответов на ряд принципиальных вопросов, если поставить их научно. И в то же время она не вбирает в себя ряд очень содержательных наработок К.Маркса и Ф.Энгельса, касающихся социальных революций, классовой борьбы и т.п. и имеющих самое непосредственное отношение к содержанию и способам общественного движения.

Проблематику общественного движения я очертил бы следующим кругом крупных проблем:

⁴⁰ Там же.

1) способы (универсальные формы) общественного движения;

2) цели общественного движения и формирование направленности развития общества;

3) перспективы общественного развития, вариантность будущего, настоящего и прошлого;

4) выбор (формирование) ресурсной базы для достижения избранного для реализации варианта будущего; коррекции и коренные перемены (революции) ресурсной базы;

5) способы самоорганизации общества, включая способы перемены общественного устройства;

6) закономерности бытия и развития мирового общества (сообщества), его логика и исторические особенности, его перспектива.

***Продолжение и окончание в следующем номере
«Обществознания большинства»***

Размышления над текстами

ЭТОЙ КНИГЕ Я ВЕРЮ

Давид Мандель. Российские революции начала XX века (1900 – 1921 гг.). Учебник (по программам высшего классового образования) {Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет); Школа трудовой демократии} — Москва. Школа трудовой демократии. 2010. 196 с.

Из всех общественных состояний самым для нас загадочным, самым незащищённым от невежественности и цинизма, одним из самых судьбоносных и самым трагичным остаётся прошлое. Особенно — уже случившиеся переходные состояния: общественные системные кризисы, революционные ситуации, революции, жесткие «реформистские прорывы». Совсем недавно, при нашем вроде бы участии произошла четвёртая русская революция. И всё в ней было как будто понятно и очевидно. А попробуйте почитать то, что о ней начинают

писать историки. Поневоле вспоминаешь слова, якобы оброненные Сталиным после просмотра «исторического» фильма об обороне Царицына в 1919 году:

— Нэ так всё было... Савсэм нэ так!

Прошлое невосстановимо в памяти общества. Историки формируют его схематические образы, устраивают состязания этих образов, иногда канонизируют одну из схем, разрушая другие схемы. Нет, прошлое невосстановимо. Но, заметьте, и недоступно для переименования. Умственная суэта вокруг прошлого — другое дело. Но это уже не само прошлое, а история — мир мифов о прошлом, обрывки фактического массива, фрагменты подлинного целого и ... размышления.

Размышления, впрочем, — дело не для историков. Типичный историк убеждён, что «история не любит слагательного наклонения». А размышления без такого наклонения — не размышления. Размышляет обществовед — гуманитарий-универсал. О чём размышляет? Об обществе, о его теперешнем состоянии и о его будущем. И понимает, размышляя, что настоящее — это всего лишь мгновения при переходе от прошлого к будущему. А ныне живущие поколения, какими бы самостоятельными и оригинальными они ни были, — реальные переносчики прошлого в будущее. Быть может, чем самостоятельнее они и оригинальнее, тем эффективнее переносят они прошлое в будущее. Если, конечно, понимать это «переносят» не как «доставляют поклажу», а как «несут в себе»

Текст, который вовлёк меня в размышления, — книга профессора Давида Манделя «Российские революции начала XX века (1900-1921 гг.)». Не знаю, сознательно или бессознательно автор не озаглавил книгу «История российских революций...». По его словам, это «очерк о периоде трёх революций в России» (с. 5). Да, так и есть. Автор рассказывает о периоде в жизни страны. Но не разбросанно, не беспланово, а сосредоточившись на реальных глубинных причинах движения тогдашнего российского общества и на реальных, самых влиятельных субъектах этого движения — на социальных силах.

Конечно, сам рассказ, когда дойдёшь до его конца, покажется весьма лаконичным. Захочется более подробных сведений, вспомнится, что многие интересные эпизоды и сюжеты опущены, возникнут вопросы, которые прежде не возникали, а теперь вот возникли, а ответа на них в книге не было. Всё это — не минусы, а плюсы книги, не упрёк автору, а свидетельство полезности его трудов.

Книга дарит впечатление, суть которого в том, что ты чувствуешь, как искренне любит и как глубоко знает писатель свой предмет, и в том, что эта любовь и это знание передаются тебе, так как ты их принимаешь, не отталкиваешь. Такое впечатление возникло у меня впервые, когда я читал книгу Томаса Карлейля «Французская революция. История». Очерк Д.Манделя не столь подробен и обширен, как книга Т.Карлейля, но тип основного впечатления от неё — тот же самый: **этому писателю я верю.**

Автор начал свой очерк с рубежа XIX и XX веков. К тому времени основные европейские державы (а Россия — страна европейского культурного пространства) давно прошли рубеж буржуазных революций и так называемого первоначального накопления. Их феодализм был уже в музеях. Россия же никак не могла разродиться «догоняющей революцией». Хвалёная эволюция посредством «реформ сверху» накопила существенное историческое отставание. И это отставание не сокращалось⁴¹.

⁴¹ Теперешний молодой Президент России Д.А.Медведев уже несколько раз применил выражения с оттенком задиристости, эпатанности. Например, он толкует о «запущенных социальных недугах» нашей страны и называет три из них — вековую экономическую отсталость; вековую коррупцию и патерналистские настроения (под этим шифром фигурирует вековая бессубъектность большинства населения). Ужу будет ему от наших «патриотов», дайте срок! Д.А.Медведев озвучил правду. А я думаю вот о чём: уж не от вековой ли отсталости от европейского окружения произошёл комплекс исторической неполноценности у наших апологетов самобытности, своеобразности, непознаваемости «русской сути»? Ведь чтобы довести обычное свойство любой страны до пункта помеша-

Рубеж XIX и XX веков крайне интересен для историка России, владеющего историко-материалистической методологией. В этот период в России актуализировались (вышли на общественную арену) субъекты массового исторического действия — политически организованные классы рабочих, крестьян, буржуазии. Феодално-сословная Россия осознавала новые социальные силы с опозданием и неадекватно. Д.Мандель, к сожалению, не развил подробно сюжеты (сюжетную линию) о классах и социальных группах тогдашней России как о потенциальных социальных субъектах, о партиях и движениях, представляющих эти классы и группы, об идеологиях и программах⁴². Всего этого в должном (необходимом и достаточном) историческом масштабе у России до конца XIX века не было. Отсюда и её революционное бесплодие, муки расставания со средневековыми общественными порядками.

Картина общественной потребности в революции в книге дана. Пусть и очень крупными мазками. В первой главе достаточно сказано для начала и о самодержавии, и об аграрных проблемах, и об особенностях развития городской промышленности, и о противоречиях имперства. Но о социальных субъектах предстоящих революций, да так, чтобы видна была их укоренённость в народной толще, в особенностях общественных условий массовой жизнедеятельности, — мне кажется, маловато. Параграф «Партии» в первой главе слишком краток и затрагивает только явленческий уровень, только мир акций и деклараций. А крайне интересно бы знать, какими народными соками питаются и подпитываются институты действия, интересы каких народных пластов находят своё проявление в их активности.

В революциях ведь что удивительно и замечательно? Не то, как и что именно они разрушают, а как и что они обещают и создают. Русский историк Н.Т. Гранов-

тельства — для этого надо иметь вескую и длительную причину! Вековая отсталость начинает восприниматься и прославляться как вековая самобытность. Экая диалектика!

⁴² Этого пока не сделал, мне кажется, и никто другой.

ский отмечал, что в переходные эпохи уходящий порядок говорит своё последнее слово, а нарождающийся — отчётливо заявляет о себе.

Последним словом уходящего российского самодержавия были расстрелы мирных демонстраций 9 января 1905 г. и 14 апреля 1912 г. Первыми словами и делами социализма были советы как форма действительно народной демократии, деятельность фабзавкомов, народный контроль.

Давид Мандель как обществовед смолоду приник именно к этой, созидательной стороне российских революций. Им написан научный труд «Борьба за рабочий контроль на заводах Петрограда, или почему на самом деле в 1917 году было две революции и можно ли из этого опыта извлечь уроки для сегодняшнего дня?»⁴³ Его докторская диссертация по социологии (защищена в 1977 г. в Колумбийском университете в Нью-Йорке) посвящена теме «Эволюция классового сознания петроградских рабочих в 1917 г».

Добротность этого научного задела чувствуется в том, как уверенно и веско рассказывает Д.Мандель о трёх российских революциях. Историческая панорама — обширная, а передать тенденции и внутренние пружины её развития надо было общедоступно и без упрощенческих искажений (без вульгаризации). Это удалось, но благодаря одной принципиально важной методологической особенности.

Сам автор эту особенность не то, чтобы не осознал, а, скорее, недооценивает её познавательную мощь, плодотворность. А коли так, то скажем об этом подробнее.

В «Предисловии» автор заявил о «претензии очерка на научность несмотря на его явно выраженное сочувствие борьбе трудящихся России и Октябрьской революции» (с.6). Это «несмотря на» было для меня, как удар током. Но я вспомнил, что Д.Мандель — западный профессор, трудится в обстановке господства буржуаз-

⁴³ Издано в Москве Школой трудовой демократии в русском переводе в 1994 г. Второе издание — в 2006 г.

ной культуры. И тогда его «несмотря на» стало на своё место. В смысле «объяснилось».

Вопрос о партийности общественных наук в советское время был вопросом педалируемым (как сказали бы теперь — культовым). Неизбежность разных классовых подходов и трактовок разжёвывалась всем и каждому из нас как азбучная истина. Тем самым воспитывался иммунитет против деидеологизации обществоведческих исследований, против показушной нейтральности (объективности), надпартийности и беспартийности взгляда на общество и его историю. За это и сейчас говорим спасибо давшим нам образование. Отбросить нам пришлось лишь одну догму — будто научно и истинно только то исследование, которое увязано с идеологией рабочего класса, с методологией диалектического и исторического материализма. И будто все исследования, увязанные с иными классовыми идеологиями и методологиями, заведомо ненаучные и неистинные.

Современный взгляд свободен от такого примитивизма. Научное знание об обществе столь же структурно, сколь и само общество. Общественные науки — познавательная сторона общественной практики. Субъекты общественной практики — разные социальные группы (классы) и общности. Понятно, что каждый из социальных субъектов развивает познавательную сторону своей практической деятельности — свою общественную науку. Именно поэтому истина как процесс (и как промежуточный результат) — структурна и представлена множеством классовых (партийных в противоположность всеобщим) наук. А общих для всех классов общественных наук нет и быть не может.

С этой точки зрения, Д.Мандель должен был бы написать о претензиях на научность очерка не «несмотря на», а «в силу явно выраженного сочувствия борьбе трудящихся и Октябрьской революции». Но сказалась, видимо привычка современного западного марксиста работать и публиковаться в явно чуждой идеологической среде.

Д.Мандель, обосновывая своё «несмотря на», достаточно развил сюжет о многопартийности научного обществоведения (с.6-8). Вся его книга доказывает, насколько плодотворна сознательная классовая позиция в обществознании. Такая позиция, во-первых, избавляет от излишних диспутов, когда заведомо очевидна противоположность представлений и оценок одних и тех же событий, одной и той же исторической обстановки. Во-вторых, классовая позиция перемещает центр внимания и обсуждения с межклассовой (межмировоззренческой) перепалки на извлечение уроков.

Конечно, «извлечение уроков» — выражение фигуральное. Суть же сложной работы, которая называется извлечением уроков, — развитие собственного классового мировоззрения и основанной на нём теории. Добротная, плодотворная историческая наука как раз этим обычно и занята, если осмысливает прошлое как наметившийся, но не развернутый покуда проблемный рисунок настоящего и будущего.

В книге Д.Манделя это не просто вплетено в канву рассказа, но ещё и вынесено в последних главах в лобовые постановки сложнейших вопросов и в гипотезы ответов на них.

Автор книги, подчеркнём это, стоит на позициях того рабочего класса, который был в России век назад, сделал три революции и выиграл гражданскую войну в союзе с российским крестьянством и народами, которых он освободил от царизма. Восхищение этим классом и людьми этого класса автор несколько не скрывает. Но он стоит на позициях тогдашнего рабочего класса столетие спустя. А потому он самокритичен (не пишется «критичен», очень уж автор со своим историческим героем идейно и сердечно слит) по отношению к деяниям этого класса. Как это ценно! Ни большевики ленинской гвардии, ни сталинская партия не были способны к самокритике по крупному историческому счёту. Поэтому они не были способны извлекать уроки истории.

Д.Мандель наметил контуры извлечения ряда уроков. То есть из его книги и из его заключительных сужде-

ний следуют постановки ряда вопросов, научно обоснованный ответ на которые должно дать обществознание большинства — обществознание трудящихся и эксплуатируемых.

Первый — урок о недопустимости для революционных классов передавать свою роль в революции какой-либо правящей партии, даже самой преданной делу освобождения труда от эксплуатации. Большевики, взяв власть именем трудового народа, не передали власть всенародно демократически избранному Учредительному собранию. Их резоны (доводы) Д.Мандель воспроизводит в параграфе «Учредительное собрание». Но даже если мы, предположим, согласились с этими резонами, то остаётся ещё более увесистый вопрос: «Почему ленинская партия не передала власть Советам, подмяла под себя Советы?» Д.Мандель откровенно пишет:

«...Столько пожертвовав ради победы, большевики не допускали мысли о передаче своей власти силам, которые восстановили бы капитализм. Им представлялось, что восстановление Советской демократии приведёт к тому, что крестьяне, а может быть, и немалая часть рабочих, ещё занятых на производстве, прогонят большевиков и тем самым решат вопрос о власти в пользу про-капиталистических элементов» (с. 192).

В итоге получилась диктатура партии большевиков (коммунистов). (Об этом в книге отдельный параграф).

Из каких бы самых добрых побуждений ни исходила узурпация власти, — она всё равно узурпация, а потому отягощена злом, историческим злом. История XX века доказала это не в одной только России, притом доказательства эти были одно ужаснее другого.

Теории научного социализма ещё предстоит изучить опыт узурпации народной власти партией, поначалу поддерживаемой широкими массами трудящихся. При добросовестной научной проработке этого сюжета будет, смею предположить, выработана теория деформаций и перерождений социализма. Деформаций и перерождений, как правило, в формах и по делам своим пре-

ступных против человечности — тоталитарных (фашистских).

Позитивным результатом тех же самых изысканий, как я полагаю, будет актуализация вопроса о развитии демократического пространства общественной жизни эксплуатируемых классов, о процессах наращивания классовой политической культуры, готовности цивилизованно и эффективно проводить как разрушительную, так и — особенно! — созидательную работу революции. Весьма новый для революционной теории сюжет.

Урок второй — о так называемом «государственном капитализме». В книге показано, как и почему возникло это понятие у В.И.Ленина и какой смысл первоначально в него был вложен. Понятие, прямо скажем, крайне неудачное, как и всякое другое понятие в истории, выстроенное, как аналогия. При капитализме бывает фаза государственного капитализма. Но там ведь и государство буржуазное. Государство в Советской России никто никогда не определял как буржуазное. Ленин писал: государство у нас рабочее с бюрократическими извращениями. При командных высотах, занимаемых таким рабочим (точно не буржуазным) государством в экономическом развитии страны, какие могут быть достаточные основания для того, чтобы квалифицировать состояние общества и доминирующего хозяйственного уклада как капитализм? По-моему, никаких. В чем смысл понятия «капитализм» применительно к переходному состоянию общества? По-моему, нет или мало смысла.

А между тем термин «Государственный капитализм» взяли на вооружение все защитники и полузащитники сталинистской системы. И, козыряя этим мнимым госкапитализмом, очень мешают самокритично осознать подлинный характер сталинистской системы как системы тоталитарной (фашистской).

Всё пытаются они её если не полностью, то частично реабилитировать. Есть и такой «хитрозадый» приём: да, мол, государственный строй был в СССР тоталитарным, но общество было госкапиталистическим. У Сталина и у КПСС не было уже рабочего государства, не было

уже и бюрократических извращений (а было перерождение номенклатуры в монополю правящую касту назначенцев). И смотрите, какой получается трюк: буржуазное государство, рабочее государство, тоталитарное государство, а система якобы одна и та же — государственный капитализм. Ну, кто же согласится признать такие фокусы-покусы наукой?

Теория научного социализма крайне отстала от реальности по части типизации общественных состояний. А потому и пробавляется, чем попало, вместо того, чтобы разработать строгую научную типизацию состояний общества.

Урок третий — о вариантности развития. В книге ясно и прямо говорится, что альтернативные варианты в истории всегда имеются. Теория научного социализма до сих пор загипнотизирована представлениями о сугубо поступательном историческом развитии. В этой теории совершенно не разработаны крайне практически важные сюжеты об исторических зигзагах, тупиках, отступлениях, забеганиях вперёд и т.п.

Урок четвёртый. Теории научного социализма пора бы преодолеть импотенцию, приобретённую за много десятилетий апологетической деятельности. Пора прекратить верить самоназваниям. КПСС называла свой строй социализмом. Но ведь и Гитлер называл свой строй социализмом. Гитлеру мы не верим, а КПСС верим. С какой стати? Это, как минимум, ненаучно.

В ответ на эти вопросы с удовольствием процитирую финальные фразы книги Д.Манделя:

«В течение 1920-х годов в России формировался новый самодержавный режим, который прятался за идеологическим фасадом социализма, но был глубоко враждебным социалистическому движению как российскому, так и международному (если под социализмом понимать общество без эксплуатации). Новая правящая элита во главе со Сталиным не восстановила капитализм, как боялась левая оппозиция в 20-е годы. Капиталистические силы в России оказались слишком слабыми. Вместо этого в конце 20-х годов государство подчи-

нило себе всю экономическую жизнь, лишило и рабочих, и крестьян политических свобод. А в 1936 г. в новой Конституции СССР эта тоталитарная система была представлена советскому народу и всему миру как уже построенный социализм.

Основной социальной опорой нового самодержавия была «номенклатура», то есть армия партийных и государственных функционеров. ...Новая система была *не капиталистической и не социалистической*, была исторически нежизнеспособной и пала в конце концов жертвой собственных противоречий» (с. 195).

Современное демократическое рабочее движение России может возникнуть не иначе, как на основе возрождения в массе трудящихся чувства человеческого и гражданского достоинства. Для этого, среди прочих условий и предпосылок, требуется дезавуирование (решительный отказ от) брежни о российских революциях. Только зная всю правду, полную правду о прошлом, демократическое революционное движение трудящихся сможет обрести в ней надёжную идейную опору и надёжный иммунитет от исторических ошибок.

Я рад, что наш Университет книгой Давида Манделя сделал вклад в возрождение российского революционного движения трудящихся.

Б.В.Ракитский
научный и методологический руководитель ИУТЭ (РУ)
Сентябрь 2010 г.

**ПРАВИЛА представления материалов и их публикации
в периодическом издании «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА»**

1. Периодическое издание «Обществознание большинства» является научным обществоведческим изданием по преимуществу фундаментального профиля. Идеологическая направленность издания - развитие и пропаганда собственной идеологии трудящихся и эксплуатируемых классов.

2. «Обществознание большинства» издаётся на русском языке.

3. Материалы для публикации представляются их авторами на русском языке. Обязательно представление текста в электронном виде (на дискете или по E-mail по адресу: university-w@yandex.ru). Представление на бумаге тоже возможно, но не обязательно. Адрес: Пери-

одическое издание “Обществознание большинства”, Проспект Вернадского дом 113 кв. 244. Москва Россия. 119571.

4. Представленные в издание и публикуемые материалы цензуре не подлежат.

5. Окончательное решение об отборе материалов для публикации принимает главный редактор конкретного выпуска. Редактор обязательно сообщает автору, принимается или не принимается к публикации представленный материал.

6. Развернутое рецензирование представленного материала и развернутая мотивировка его непринятия для публикации не осуществляются из-за отсутствия для этого у редакции сил и средств.

7. Материал, требующий литературного редактирования или содержащий значительное количество грамматических ошибок, может быть возвращён для приведения в соответствие с нормами русского языка и русского текста (правило касается только авторов, для которых русский - родной язык).

8. Текст печатается в том виде, в каком его представил автор. Редактор в праве предложить автору вариант редакции, если вариант не касается смысла. Автор в праве настаивать на своем варианте редакции. Редактор в праве сделать собственное примечание к тексту, если желает выразить своё отношение к смыслу сказанного автором. Однако автор в праве ответить на это примечание. Последнее слово остаётся всегда за автором. Но он в праве и не комментировать примечание редактора.

9. Редакция не выплачивает гонораров за статьи. Бесплатно автору предоставляются 10 авторских экземпляров выпуска, в котором напечатан его материал. Пересылка за счёт редакции.

10. Редакция надеется на отклики читателей и приветствует их. За редким исключением, редакция не печатает отклики и просто письма в редакцию, но чутко учитывает их в своей работе. Отклики передаются авторам статей. Редакция в переписку не вступает.

**ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
«ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА»
НЕ ЗНАЧИТСЯ В УТВЕРЖДАЕМОМ ВАК
«ПЕРЕЧНЕ ВЕДУЩИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ
И ИЗДАНИЙ»**

Издатель не взимает с авторов деньги за публикацию.

**ВЫСОКОЕ НАУЧНОЕ КАЧЕСТВО ПУБЛИКАЦИЙ
ГАРАНТИРУЕТСЯ**

Научная литература

Периодическое издание
Обществознание большинства. Выпуск 7

Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет)
Россия 119361 Москва, Озёрная улица 25 - 287
E-mail university-w@yandex.ru

Подписано в печать 11.12.2010 Объем 75 стр. (4
п.л.)

Тираж 300 экз. Распространяется бесплат-
но

Отпечатано на собственном ризографе